

Джек Ричер, или Синяя луна

Автор:

Ли Чайлд

Джек Ричер, или Синяя луна

Ли Чайлд

Джек Ричер #24 Легенда мирового детектива

БЕСТСЕЛЛЕР №1 NEW YORK TIMES

Ли Чайлд – самый популярный в мире автор в жанре «крутого» детектива. Каждый его роман о Джеке Ричере становился бестселлером №1 New York Times. Новых книг из этой серии с нетерпением ожидают десятки миллионов читателей по всему миру.

Этот мир изменчив, но изредка все становится так, как надо.

В безымянном американском городке за контроль над его жизнью борются две криминальные группировки. Все у них идет путем – до тех пор, пока в городок не приезжает Джек Ричер.

Он обучен замечать мелочи.

Сидя в ночном автобусе, Ричер заметил спящего старика, из кармана которого торчал пухлый конверт с наличностью. А еще – какого-то молодого паренька, с жадностью смотрящего на этот конверт.

Грабитель делает свой ход – Ричер делает свой. Шах и мат.

Старик перепуган и загнан в угол. Оказывается, молодой грабитель – это пустяки. Его реальная проблема гораздо, гораздо серьезнее. В свое время он сделал пару ошибок – и теперь должен уйму денег одной из городских банд. Ричер решает помочь ему...

Шансы на успех гораздо выше, если в дело вступает Джек Ричер. Это уж будьте уверены.

Жестокий, но справедливый Джек Ричер – самый крутой персонаж самой крутой из ныне продолжающихся книжных серий.

Стивен Кинг

Это один из лучших романов Чайлда.

The Times

Ли Чайлд

Джек Ричер, или Синяя луна

Lee Child

Blue Moon

© Lee Child 2019

© Гольдич В. А., Оганесова И. А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 01

На карте Америки город выглядел совсем маленьким – крошечная благовоспитанная точка рядом с красной ниточкой дороги, идущей через пустой полудюйм бумаги. Но на самом деле, в реальном мире, его население составляло полмиллиона жителей, около ста пятидесяти тысяч семей, а сам он занимал более сотни квадратных миль, и в нем имелось две тысячи акров парковых зон. Город тратил пятьсот миллионов долларов в год и почти столько же зарабатывал благодаря налогам и прочим поступлениям. И был он таких размеров, что полицейский департамент насчитывал тысячу двести человек.

В городе даже хватило места сразу двум группам организованной преступности. Западом управляли украинцы, а востоком – албанцы. Демаркационная линия перекраивалась столько же раз, сколько избирательные округа. Обычно она шла по Центральной улице, пересекавшей город с севера на юг, но часто делала зигзаги, чтобы включить определенные кварталы в тех случаях, когда приходилось учитывать исторические прецеденты. Переговоры были напряженными. Случались локальные войны за территорию. Возникали ссоры. Но со временем устанавливалось согласие. Достигнутые договоренности выполнялись, и довольно долго между сторонами не возникало значительных столкновений.

Так продолжалось до тех пор, пока не наступило одно майское утро. Босс украинцев припарковался в гараже на Центральной улице и зашагал на восток, на албанскую территорию. В одиночестве. Пятьдесят лет, сложен как бронзовая статуя древнего героя, высокий, массивный и плотный, он называл себя Грегори – максимально близкий для слуха американцев вариант настоящего имени. Он не был вооружен и надел обтягивающие брюки и футболку, чтобы подчеркнуть это. Карманы оставались пустыми. Ничего скрытого. Грегори повернул налево, потом направо, заходя все глубже на чужую территорию и направляясь к

глухому кварталу, где, как он знал, албанцы управляли своим бизнесом из офисов, находившихся на лесопилке.

За ним начали следить с самого первого шага, когда он только пересек границу. Были сделаны предупреждающие звонки, и, когда он прибыл на место, его встречали шесть молчаливых бойцов, стоявших полукругом между тротуаром и воротами лесопилки, точно шахматные фигуры, занявшие оборонительную позицию. Грегори остановился, развел руки в стороны и, не опуская их, повернулся на 360 градусов. Брюки и футболка в обтяжку. Никаких выпуклостей. Ножа нет. Пистолета нет. Без оружия, перед шестью парнями, которые, несомненно, были «упакованы». Однако Грегори не испытывал тревоги. Он знал, что албанцы не станут на него нападать, если он их не спровоцирует. Правила вежливости никто не отменял. Этикет есть этикет.

Один из шести безмолвных парней выступил вперед. Частично блокировка, частично желание выслушать.

– Мне нужно поговорить с Дино, – сказал Грегори.

Дино был боссом албанцев.

– О чем? – спросил парень.

– У меня есть информация.

– О чем?

– О том, что ему необходимо знать, – сказал Грегори.

– Я могу дать номер его телефона.

– Это из тех вещей, о которых следует говорить с глазу на глаз, – заявил Грегори.

– Прямо сейчас? – спросил парень.

– Да.

Некоторое время охранник молчал, потом повернулся и скрылся в дверях рядом с металлическими поднимающимися воротами. Оставшиеся пятеро стражей слегка сомкнули ряды, чтобы компенсировать его отсутствие. Грегори ждал. Пятеро парней настороженно и с интересом за ним наблюдали. Это была уникальная ситуация. Такое случается раз в жизни. Как увидеть единорога. Босс другой стороны. Прямо перед тобой. Прежние переговоры проходили на нейтральной территории, на поле для гольфа, за городом, по другую сторону автострады.

Грегори ждал. Через пять долгих минут парень вернулся через ту же дверь. Он оставил ее открытой и указал в ее сторону. Грегори подошел, наклонился, вошел внутрь и сразу уловил аромат сосны и слышал вой пилы.

– Нам нужно обыскать тебя, чтобы проверить, не взял ли ты с собой прослушку, – сказал первый охранник.

Грегори кивнул и снял футболку. Его торс был массивным, жестким и заросшим волосами. Никаких проводов. Парень проверил швы футболки и вернул ее. Грегори снова надел футболку и провел пальцами по волосам.

– Сюда, – сказал албанец.

Он повел Грегори внутрь ангара из гофрированного металла. Остальные пятеро следовали за ними. Они прошли в обычную металлическую дверь и оказались в помещении без окон, организованном как зал совещаний для директоров. Четыре ламинированных стола стояли в ряд, как барьер. С противоположной стороны, в середине, на стуле сидел Дино. Моложе Грегори на год или два, но шире, с темными волосами, шрамом от ножа на левой стороне лица, начинавшимся над бровью и шедшим вниз по скуле до самого подбородка, как верхняя часть восклицательного знака.

Охранник, который разговаривал с Грегори, поставил для него стул напротив Дино, обошел столы и сел справа от босса, точно верный лейтенант. Остальные пятеро разбились на тройку и двойку и расположились позади Дино. Грегори остался один на своей стороне стола, напротив семи пустых лиц. Все молчали.

– В чем причина столь приятного визита? – наконец спросил Дино.

Этикет есть этикет.

– В городе скоро сменится полицейский комиссар.

– Нам это известно, – сказал Дино.

– Он и раньше здесь служил, а теперь получил повышение, – сказал Грегори.

– Нам это известно, – повторил Дино.

– Он обещал карательные меры против нас обоих.

– Нам это известно, – в третий раз повторил Дино.

– У нас есть свой человек в его офисе.

Дино промолчал. Этого он не знал.

– Наш человек, – продолжал Грегори, – обнаружил в ящике письменного стола секретный файл на внешнем жестком диске.

– Какой файл? – спросил Дино.

– Оперативный план нашего уничтожения.

– И в чем он состоит?

– В нем мало подробностей, – ответил Грегори. – К тому же он очень схематичный. Но нам не следует беспокоиться. День ото дня и от недели к неделе наш человек будет получать кусочки головоломки. Дело в том, что у него есть источник внутренней информации.

– Откуда?

– Наш человек искал долго и упорно, пока не обнаружил еще один файл.

– И что в нем?

– Список.

– Список чего?

– Список доверенных полицейских информаторов.

– И?..

– В списке четыре имени.

– И?.. – снова спросил Дино.

– Двое из них – мои люди, – ответил Грегори.

Все долго молчали.

– Что вы с ними сделали? – наконец спросил Дино.

– Полагаю, ты вполне можешь догадаться.

И снова наступило молчание.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – снова заговорил Дино.

– Два других имени в списке – твои люди, – сказал Грегори.

Молчание.

– Мы попали в одинаково затруднительное положение, – продолжал украинец.

– Кто? – спросил Дино.

Грегори назвал имена.

– Почему ты решил мне о них сообщить?

– Потому что мы заключили соглашение. Я – человек слова.

– Но, если мне придет конец, ты сильно выиграешь, – сказал Дино. – Тогда ты сможешь контролировать весь город.

– Мой выигрыш будет только на бумаге, – возразил Грегори. – Неожиданно я понял, что меня устраивает нынешнее положение. Где я найду честного человека, который будет управлять вашим бизнесом? Складывается впечатление, что мне не хватает людей на свой собственный.

– Сдается, у меня похожие проблемы, – заметил Дино.

– Значит, мы продолжим схватку завтра. А сегодня будем уважать договор. Я сожалею, что принес не слишком радостные новости. Я поставил себя в неприятное положение перед вами; надеюсь, это чего-то стоит. Ситуация такова, что мы оказались на одной стороне.

Дино молча кивнул.

– У меня вопрос, – продолжал Грегори.

– Задавай.

– Ты сообщил бы мне, как сделал я, если б шпион оказался вашим, а не моим?

На сей раз Дино молчал дольше.

– Да, и по тем же причинам, – наконец ответил он. – У нас договор. И если в том списке значатся имена как твоих, так и моих людей, значит, нам обоим не следует делать глупости.

Кивнув, Грегори встал. Лейтенант Дино тоже поднялся со стула, чтобы проводить его.

– Сейчас нам ничего не грозит? – спросил Дино.

– Да – с моей стороны, – ответил Грегори. – Это я могу гарантировать. С шести часов сегодняшнего утра. У нас имеется свой человек в городском крематории. Он должен нам деньги. Он согласился разжечь огонь немного раньше.

Дино кивнул, но ничего не сказал.

– А с вашей стороны нам ничего не будет грозить? – спросил Грегори.

– Да, с сегодняшнего вечера, – ответил Дино. – У нас имеется свой человек на фабрике утилизации автомобилей. Он также должен нам деньги.

Лейтенант Дино вывел Грегори через ангар наружу к маленькой металлической двери, и через несколько мгновений тот оказался под ярким майским солнцем.

* * *

В этот момент Джек Ричер находился в семидесяти милях, в автобусе «Грейхаунд лайнс», на автомагистрали между штатами. Он сидел с левой стороны, ближе к задней части салона, над колесом. Место рядом пустовало. Всего в автобусе было двадцать девять пассажиров. Обычный набор. Ничего примечательного. За исключением одного, который представлял некоторый интерес. Через проход от Ричера, опустив голову на грудь, спал мужчина лет семидесяти. Седые волосы нуждались в стрижке, серая кожа пошла складками, словно он сильно похудел. Короткая синяя куртка на молнии. Из толстого хлопка. Возможно, водонепроницаемого. Из кармана торчал толстый конверт.

Ричер узнал тип конверта. Он уже видел такие раньше. Иногда, если банкомат не работал, Джек входил в отделение банка и брал по карте наличные в кассе у стойки. Кассир спрашивал, сколько денег он хочет снять, и Ричер думал: ну, раз банкомат сломан, стоит взять больше, чтобы потом ни о чем не беспокоиться, и поэтому снимал более крупную сумму, чем обычно. Кассир спрашивал, хочет ли он получить конверт для наличных. Иногда Ричер соглашался – без всяких задних мыслей, – и банкноты складывали в конверт, в точности такой же, как тот, кончик которого торчал из кармана спавшего старика. Такая же плотная бумага, тот же размер, те же пропорции, толщина и вес. Несколько сотен

долларов или тысяч, тут все зависело от достоинства банкнот.

Однако Ричер был не единственным, кто заметил конверт. Парень, сидевший впереди, также его видел. Тут не могло быть ни малейших сомнений. И очень им заинтересовался. Высокий, молодой, с жирными волосами и редкой козлиной бородкой. Двадцать с небольшим, джинсовая куртка. Почти мальчишка. Он поглядывал на старика, думал, планировал. Облизывал губы.

Автобус ехал дальше. Ричер поочередно смотрел в окно, на конверт и на парня, не сводившего с того глаз.

* * *

Из гаража на Центральной улице Грегори сразу направился обратно на безопасную украинскую территорию. Его офисы находились в задней части здания, где располагалась компания по заказу такси, напротив ломбарда, рядом со страховой конторой – все эти заведения принадлежали Грегори. Он припарковался и вошел. Его главные помощники уже ждали. Их было четверо, все взаимозаменяемые, все равнозначные для него. Не связанные семейными узами в традиционном смысле, но все родились в одних тех же городах и деревушках, побывали в одних и тех же тюрьмах на родине, что было хорошо.

Они посмотрели на него. Четыре лица, восемь широко раскрытых глаз, но только один вопрос.

На который Грегори сразу ответил.

– Полный успех, – сказал он. – Дино купился. Ну очень глупый осел, уж поверьте мне. Я мог бы продать ему Бруклинский мост. Парни, которых я назвал, – уже история. Ему потребуется день, чтобы перетасовать колоду. Удача постучалась в нашу дверь, друзья мои. У нас около двадцати четырех часов. Фланг противника не защищен.

– Да уж, что взять с албанцев, – сказал его лейтенант.

– Куда ты отправил двух наших ребят? – спросил Грегори.

– На Багамы. Там в казино работает один человечек, который должен нам деньги. У него отличный отель.

* * *

Зеленые федеральные дорожные знаки на обочине автомагистрали сообщили, что приближается город. Первая остановка на сегодня. Ричер наблюдал, как парень с козлиной бородкой выстраивает свою игру. Два неизвестных параметра – собирается ли старик с деньгами сойти здесь с автобуса? А если нет, проснется ли он, когда автобус начнет тормозить и поворачивать?

Ричер наблюдал. Автобус съехал с магистрали. Шоссе в четыре полосы продолжало идти на юг, и в свете фар поблескивал влажный после дождя асфальт. Съезд прошел гладко. Зашипели шины. Старик с деньгами продолжал спать. Парень с козлиной бородкой не сводил с него глаз, и Ричер пришел к выводу, что план уже готов. Если все делать по-умному, ему следует вытащить конверт как можно скорее, надежно спрятать и постараться покинуть автобус при первой же возможности. Даже если владелец денег проснется, немного не доехав до вокзала, сначала он ничего не заметит. Но если и заметит, вряд ли сможет сделать правильный вывод. Он решит, что конверт выпал. И потратит минуту, пытаясь отыскать его под сиденьем, а потом под тем, что впереди, предположив, что мог отбросить его ногой во сне. Только после этого он примется оглядываться по сторонам, но автобус уже остановится, люди начнут вставать, выходить и входить. Проход будет забит. И воришка без особых проблем сумеет выскользнуть наружу. Таким был бы разумный план.

Так ли задумал свою операцию парень с козлиной бородкой?

Ричер этого не узнал.

Старик с деньгами проснулся слишком рано.

Автобус сбросил скорость и остановился перед светофором, зашипев шинами; голова старика дернулась, он заморгал, похлопал себя по карману и задвинул конверт поглубже, чтобы никто его не видел.

Ричер откинулся на спинку сиденья.

Парень с бородкой поступил так же.

Автобус покати́л дальше. По обе стороны дороги раскинулись поля, бледно-зеленые вестники весны. Затем появились первые коммерческие здания, где торговали всем необходимым для ферм, семейными автомобилями, занимавшими большие площади, с сотнями блестящих машин, выстроившихся в ряды под флагами и вымпелами. Затем пошли офисные парковки и гигантские загородные супермаркеты. И вскоре они въехали в город. Четыре полосы превратились в две. Впереди Ричер уже видел высокие дома. Но автобус свернул налево, покати́л дальше, держась на вежливом расстоянии от районов с дорогими домами, и через полмили затормозил у вокзала. Первая остановка дня. Ричер остался сидеть на своем месте. Он купил билет до конца маршрута.

Старик с деньгами встал, вроде как кивнул себе, подтянул брюки и одернул куртку. Обычные вещи, которые делают пожилые мужчины перед тем, как выйти из автобуса.

Старик вышел в проход и, шаркая, побрел к дверям. У него не было сумки. Только он сам. Седые волосы, синяя куртка, один карман полон, другой – пуст.

У парня с козлиной бородкой появился новый план.

Он возник внезапно. Ричер практически видел, как поворачиваются шестеренки у него в голове. Вишни почти созрели. Последовательность умозаключений привела к цепочке предположений. Вокзалы никогда не строят в лучшей части города. Выйдя из автобуса, пассажиры попадают на дешевые улицы, куда выходят задние стороны домов; здесь находятся пустые парковки, где платить приходится по счетчику. И наверняка будут пустые тротуары. Двадцать с чем-то процентов против семидесяти с чем-то. Удар сзади. Обычное ограбление. Такое случается постоянно. Все предельно просто.

Парень с козлиной бородкой вскочил и поспешил вперед по проходу, в шести футах позади старика с деньгами.

Ричер встал и пошел за обоими.

Не вызывало сомнений, что старик с деньгами знал, куда идет: он не смотрел по сторонам, чтобы понять, где находится. Покинув автобусный вокзал, сразу повернул на восток и решительно зашагал дальше. Без колебаний. Но и не особенно быстро. Медленная, неуверенная походка, плечи опущены. Он выглядел старым, усталым, вымотанным и проигравшим. У него не осталось энтузиазма. Он двигался как человек, путешествующий из одной точки в другую, и обе для него совершенно непривлекательны.

Парень с козлиной бородкой следовал за ним, отставая на шесть шагов; он явно сдерживал себя, старательно притормаживая, но получалось у него не слишком успешно. Он был поджарым и длинноногим и едва не подпрыгивал от нетерпения. Ему хотелось приступить к делу прямо сейчас. Но место было неподходящим, слишком ровным и открытым. Широкие тротуары. Впереди виднелся перекресток, где дожидались зеленого света автомобили, водители которых со скукой поглядывали по сторонам. Возможно, в машинах сидели пассажиры. Все потенциальные свидетели. Лучше подождать.

Старик с деньгами остановился у края тротуара. Он ждал, когда можно будет перейти улицу, и явно собирался идти прямо вперед. Там виднелись более старые здания, между которыми шли узкие улицы. Шире, чем переулки, находившиеся в тени, но закрытые с двух сторон трехэтажными и четырехэтажными домами.

Куда более подходящее место для ограбления.

Включился зеленый. Старик с деньгами в кармане послушно начал переходить улицу, словно окончательно смирился со всеми своими неприятностями. Парень с козлиной бородкой следовал за ним, отставая на шесть шагов. Ричер немного сократил расстояние до будущего грабителя. Он чувствовал, что решающий момент приближается. Парень не собирался ждать до бесконечности. Он знал, что лучшее – враг хорошего. Через два квартала он исполнит задуманное.

Они шли дальше единой связкой, на приблизительно равных расстояниях; двое впереди Ричера ни на что не обращали внимания. Первый квартал выглядел неплохо, но позади все еще оставалось открытое пространство, поэтому парень с бородкой не спешил, дождался, когда старик с деньгами перейдет следующую

улицу, и направился дальше вдоль второго квартала, уже достаточно закрытого от остальных. Оба конца оставались в тени. Здесь имелась пара заведений с заколоченными дверями, закрытое кафе и налоговая служба с запыленными окнами.

Идеально.

Время принимать решение.

Ричер догадывался, что парень начнет прямо сейчас, но перед нападением он должен нервно посмотреть по сторонам, в том числе бросить взгляд назад, поэтому Ричер задержался за углом поперечной улицы – одна секунда, две, три, больше не потребуется, чтобы оглянуться. Затем шагнул обратно и увидел, что парень сокращает расстояние до старика, делая длинные нетерпеливые шаги. Ричер не любил бегать, но сейчас ему пришлось.

Он немного опоздал. Парень с бородкой толкнул старика с деньгами, тот упал вперед с тяжелым стуком – руки, колени, голова, – а грабитель стремительно нагнулся, не замедляя шага, засунул руку в карман старика и вытащил конверт. Именно в этот момент появился неуклюже бежавший Ричер – шесть футов и пять дюймов костей и мышц, 250 фунтов движущейся массы против худого парня, выпрямлявшегося со своей добычей. Врезался в него, быстро повернув плечо. Грабитель пролетел по воздуху, словно манекен из аварийных испытаний, и приземлился, разбросав в стороны руки и ноги, наполовину на тротуаре, наполовину в канаве. Он не шевелился и не пытался встать.

Ричер подошел к нему и забрал конверт. Он не был запечатан. Банковские конверты обычно не запечатывают. Ричер заглянул внутрь. Стопка в три четверти дюйма толщиной. Сверху купюра в сто долларов – и такая же снизу. Он пролистал пачку. Повсюду сотни. Тысячи и тысячи долларов. Может быть, пятнадцать тысяч.

Ричер посмотрел назад. Старик приподнял голову и в панике оглядывался по сторонам. На лице появилась царапина после падения. Или у него пошла кровь из носа. Джек протянул ему конверт. Старик поднял на него глаза и попытался встать, но не смог.

Ричер подошел к нему.

– У вас что-нибудь сломано? – спросил он.

– Что случилось? – спросил старик.

– Вы можете двигаться?

– Думаю, да, – старик кивнул.

– Тогда перевернитесь, – сказал Ричер.

– Прямо здесь?

– На спину. Я помогу вам сесть.

– Что случилось? – повторил старик.

– Сначала я должен проверить, всё ли у вас в порядке. Может быть, нужно вызвать «Скорую помощь». У вас есть телефон?

– Никакой «Скорой помощи», – ответил старик. – Никаких врачей.

Он сделал вдох, стиснул зубы и после нескольких неудачных попыток сумел перевернуться на спину, как человек, которому приснился кошмар.

И с трудом выдохнул.

– Где у вас болит? – спросил Ричер.

– Везде, – ответил старик.

– Как всегда или хуже?

– Пожалуй, как всегда.

– Тогда ладно.

Ричер приложил ладонь к спине старика между лопатками, потянул его на себя, развернул и слегка переместил; в результате старик оказался сидящим на тротуаре, вытянув ноги на проезжую часть. Ричер решил, что так ему будет удобнее.

– Мама всегда говорила мне, чтобы я не играл в канаве.

– Моя тоже, – сказал Ричер. – Однако сейчас мы не играем.

Он протянул старику конверт; тот взял его и сжал всеми пальцами, словно хотел убедиться, что он настоящий. Ричер сел рядом с ним. Старик заглянул в конверт.

– Что произошло? – снова спросил он и указал на парня с бородкой. – Он хотел меня ограбить?

В двадцати футах справа от них лицом вниз лежал парень с козлиной бородкой и не шевелился.

– Он шел за вами от автобуса, – сказал Ричер. – Заметил конверт у вас в кармане.

– Вы ехали в том же автобусе? – спросил старик.

Джек кивнул.

– Я следовал за вами обоими от самого вокзала.

Старик засунул конверт в карман.

– Благодарю вас от всего сердца, – сказал он. – Вы даже не представляете... Я не могу выразить словами...

– Всегда пожалуйста.

– Вы спасли мне жизнь.

– Я рад.

– Я должен вас отблагодарить, – продолжал старик.

– В этом нет необходимости.

– Но я в любом случае не могу, – сказал тот и коснулся кармана. – Здесь платеж, который я должен сделать. Это очень важно. Нужна вся сумма. Мне очень жаль. Я приношу вам свои извинения. Я чувствую себя ужасно.

– Не стоит, – попытался успокоить его Ричер.

Справа от них, в двадцати футах, парень с козлиной бородкой встал на четвереньки.

– Никакой полиции, – сказал старик.

Парень посмотрел в их сторону. Он был ошеломлен, его слегка трясло, однако он находился от них всего в двадцати футах и, очевидно, раздумывал, не стоит ли ему попытаться снова на них напасть.

– Почему не нужно вызывать полицию? – поинтересовался Ричер.

– Они задают вопросы, когда видят большую сумму наличными.

– Вопросы, на которые вы не хотите отвечать? – уточнил Джек.

– Я просто не могу, – повторил старик.

Парень с козлиной бородкой посчитал, что все-таки лучше уйти, с трудом поднялся на ноги и побежал, и, хотя он не окончательно пришел в себя и к нему еще не полностью вернулась координация движений, двигался он достаточно быстро. Ричер не стал его преследовать. На сегодня бега достаточно.

– Мне пора, – сказал старик с деньгами.

У него были царапины на щеке и лбу, он довольно сильно разбил нос; кровь вытекла на нижнюю губу.

– Вы уверены, что с вами всё в порядке? – спросил Ричер.

– У меня нет выбора, – сказал старик. – Я очень спешу.

– Позвольте я помогу вам встать, – предложил Джек.

Сам старик встать не мог. Либо его окончательно оставили силы, либо у него были проблемы с коленями, или и то и другое. Трудно сказать. Ричер помог ему подняться на ноги. Старик стоял в канаве и смотрел в противоположную сторону улицы, сгорбившись и наклонившись вперед. Потом он с трудом развернулся на месте, но ему никак не удавалось шагнуть на тротуар. Он поставил на него ногу, но ему не хватало сил, чтобы поднять тело на шесть дюймов, – слишком большая нагрузка для коленей. На брючине остался след от падения.

Ричер встал у него за спиной, взял за локти и поднял, и старик, ставший невесомым, сделал шаг на тротуар, как человек на Луне.

– Вы сможете идти? – спросил Джек.

Старик попытался. Ему удавалось делать маленькие шаги, слабые и аккуратные, но он морщился и задыхался всякий раз, когда переносил вес на правую ногу.

– Вам далеко идти? – спросил Ричер.

Старик огляделся по сторонам, оценивая место, в котором они находились.

– Еще три квартала, – ответил он. – На противоположной стороне улицы.

– Вам придется много раз сходить с тротуара на проезжую часть и подниматься обратно, – заметил Джек.

– Я справлюсь, – заверил его старик.

– Покажите, – предложил Ричер.

Старик, как и прежде, пошел вперед, на восток, медленно, продолжая шаркать и широко разведя руки в стороны, чтобы сохранять равновесие. Он морщился и тихонько стонал. Возможно, ему становилось хуже.

– Вам нужна трость, – сказал Джек.

– Мне много чего нужно, – ответил старик.

Ричер встал справа от него, взял за локоть и принял часть его веса на ладонь. С точки зрения механики это то же самое, что трость, палочка или костыль. Сила, направленная вверх, к плечу старика. Физика Ньютона.

– Попробуйте так, – сказал Ричер.

– Вы не можете пойти со мной.

– Почему?

– Вы и без того много для меня сделали.

– Причина в другом. Вам следовало сказать, что вы не можете об этом меня просить. Что-нибудь невнятное и вежливое. Но ваши слова прозвучали слишком экспрессивно. Вы заявили, что я не могу пойти с вами. Почему? Куда вы направляетесь?

– Я не могу ответить на ваш вопрос.

– Вы не дойдете туда без меня.

Старик тяжело дышал, и у него шевелились губы, как будто он репетировал свои следующие слова. Потом поднял руку, коснулся царапины на лбу, на щеке и на носу. Снова поморщился.

– Помогите мне добраться до нужного квартала и перейти улицу, – наконец заговорил он. – А потом поворачивайте и отправляйтесь домой. Это будет самая большая услуга, которую вы мне окажете. Правда. Я буду вам благодарен. Я уже благодарен. Я надеюсь, вы меня понимаете.

– Нет, не понимаю, – ответил Ричер.

– Мне нельзя никого приводить с собой.

– Кто выдвинул такое требование?

– Я не могу вам сказать.

– Предположим, я просто иду в том же направлении. Вы подойдете к нужной вам двери, а я отправлюсь дальше.

– Но тогда вы узнаете, куда я иду, – возразил старик.

– Я уже знаю.

– Откуда? – удивился старик.

Ричер видел самые разные города Америки, на востоке, западе, севере и юге, всех размеров, возрастов и условий жизни. Он знал их ритм и устройство, историю, запеченную в их кирпичах. Квартал, где они сейчас находились, был одним из сотен тысяч к востоку от Миссисипи. Задние офисы, где занимаются оптовой и розничной торговлей, небольшое производство, адвокаты, специалисты по продаже недвижимости и перевозкам, турагентства. Возможно, офисы по аренде жилья в задних дворах. Все они процветали в конце девятнадцатого и начале двадцатого столетия. А теперь разрушались и пустели под воздействием времени. Отсюда заколоченные окна и закрытые кафе. Но некоторые места держались дольше других. Определенные привычки и аппетиты отличаются упорством.

– В трех кварталах отсюда на противоположной стороне улицы находится бар, – сказал Ричер. – Вы направляетесь туда.

Старик не ответил.

– Чтобы сделать платеж, – продолжал Джек. – В баре, перед обедом. Что-то вроде местного ростовщика. Пятнадцать или двадцать тысяч. Вы в беде. Я думаю, вы продали свою машину. Получили максимум наличными. Может быть, нашли коллекционера. Вероятно, у вас была старая машина. Вы поехали туда на ней и вернулись обратно на автобусе. Через банк покупателя. Кассир сложил деньги в конверт.

– Кто вы такой?

– Бар – это общественное место. Мне захотелось пить, как и многим другим людям. Возможно, у них есть кофе. Я сяду за другой стол. Вы можете сделать вид, что незнакомы со мной. И вам потребуется помощь, чтобы уйти оттуда. Скоро ваше колено начнет беспокоить вас сильнее.

– Кто вы такой? – снова спросил старик.

– Меня зовут Джек Ричер. Я был военным полицейским. И меня учили все замечать.

– У меня был «Шевроле Каприс». Старая модель. Все свое. Прекрасное состояние. Совсем небольшой пробег.

– Я ничего не понимаю в машинах, – сказал Ричер.

– Сейчас такие в цене, – со вздохом объяснил старик.

– Сколько вы за него получили?

– Двадцать две с половиной тысячи.

Ричер кивнул. Больше, чем он предполагал. Новенькие купюры, плотная упаковка.

– И вы должны всё отдать? – спросил он.

- До двенадцати часов. Затем цена начнет увеличиваться.
- Тогда нам лучше идти. Боюсь, процесс будет довольно медленным, – заметил Ричер.
- Благодарю вас, – сказал старик. – Меня зовут Аарон Шевик. Я перед вами в вечном долгу.
- Доброта незнакомых людей, – ответил Ричер. – Она заставляет мир двигаться вперед. Один парень написал об этом пьесу.
- Теннесси Уильямс, – сказал Шевик. – «Трамвай “Желание”».
- Сейчас он нам пригодился бы... Три квартала за пять центов – отличная сделка.

Они пошли дальше, Ричер делал медленные и короткие шаги, Шевик подпрыгивал и кренился в сторону – законы Ньютона работали.

Глава 03

Бар находился на первом этаже самого обычного кирпичного здания в середине квартала. Побитая коричневая дверь в центре, грязные окна по обе стороны от нее. Ирландское название на зеленой, мерцающей неоновой вывеске над дверью и полумертвая неоновая реклама пива «Харп», трилистник на окнах, и запыленная реклама разных сортов пива. Часть Ричер узнал, часть – нет. Он помог Шевiku перейти дорогу и подняться на тротуар. Часы у него в голове показывали без двадцати двенадцать.

- Я войду первым, – сказал Ричер. – А потом вы. Как если б мы никогда не встречались. Хорошо?
- Как долго мне ждать? – спросил Шевик.
- Пару минут. Отдышитесь немного.

– Ладно.

Ричер открыл дверь и вошел в тускло освещенный зал, в котором пахло пролитым пивом и дезинфицирующими средствами. Однако заведение оказалось достаточно просторным; не огромным, но и не клетушкой. По обе стороны длинного центрального прохода, ведущего к стойке в левом дальнем углу, стояли столики на четырех человек. У бармена – толстого типа с четырехдневной щетиной – на плече висело полотенце, как символ его должности. В баре находились четверо клиентов, каждый занимал отдельный столик, и все выглядели старыми, усталыми и побитыми жизнью, как Шевик. Двое не выпускали из рук пивные бутылки с длинными горлышками, а двое крепко держали полупустые стаканы, словно опасались, что кто-то их отнимет.

Никто из них не походил на ростовщика. Может быть, этим занимался бармен; агент или посредник. Ричер вошел и попросил кофе. Бармен ответил, что у них нет кофе, что стало разочарованием, однако Джек это предвидел. Бармен держался вежливо, но Ричер подумал, что он не стал бы так вести себя, если бы не размеры и уверенные манеры нового посетителя. Обычный человек наверняка получил бы в ответ что-нибудь ехидное.

Вместо кофе Ричер заказал местное пиво. Бутылка оказалась холодной и влажной, с высокой шапкой пены. Он оставил доллар из сдачи на стойке и подошел к ближайшему свободному столику на четверых, который находился в заднем правом углу, что вполне его устраивало, поскольку он мог сидеть спиной к стене и видеть весь зал.

– Только не здесь, – сказал бармен.

– Почему нет? – спросил Ричер.

– Стол заказан.

Остальные четверо посетителей подняли головы и тут же отвели глаза.

Ричер вернулся к стойке и забрал оставленный доллар. Ни тебе спасибо, ни пожалуйста – значит, без чаевых. Он прошел по диагонали к переднему столику на другой стороне, под грязным окном. Такая же геометрия, но в зеркальном отображении. За спиной у него находился угол, и Ричер мог видеть весь зал. Он

сделал глоток пива, состоявшего главным образом из пены. Тут в бар, прихрамывая, вошел Шевик, который взглянул на пустой столик в пустом правом углу и с удивленным видом остановился. Затем посмотрел на бармена, четверых одиноких посетителей, Ричера и снова на пустовавший угловой столик.

Прихрамывая, Шевик направился в его сторону, но на полпути остановился, свернул к бару и заговорил с барменом. Ричер находился слишком далеко, чтобы его услышать, но догадался, что Шевик задал вопрос. Возможно: «Где такой-то и такой-то?» Вопрос сопровождался еще одним взглядом в сторону столика в правом углу. Ричеру показалось, что Шевик получил ехидный ответ. Возможно: «Я же не ясновидец». Тот вздрогнул и, отступив на нейтральную территорию, задумался, что делать дальше.

Часы в голове Ричера показывали без пятнадцати двенадцать.

Шевик, хромя, подошел к пустому столу в правом дальнем углу и остановился в сомнении. Затем сел так, как расположился бы посетитель, а не хозяин кабинета, примостился на краю стула, вполоборота, чтобы видеть дверь, словно собирался вежливо встать, когда войдет тот, кого он ждал.

Однако никто не входил. В баре царила тишина. Кто-то смачно глотал, кто-то влажно дышал, бармен вытирал стаканы. Шевик смотрел на дверь. Время шло.

Ричер встал и подошел к той части стойки, которая находилась ближе к столу Шевику, поставил на нее локти и выжидающе посмотрел на бармена, показывая, что хочет сделать новый заказ. Тот повернулся к нему спиной и сделал вид, что у него появилось срочное дело в другом конце стойки. Нет чаевых – нет обслуживания. Ничего другого Джек и не ожидал. Он получил то, что хотел, – некоторую степень уединения.

– Что? – прошептал Ричер.

– Его здесь нет, – прошептал в ответ Шевик.

– А обычно есть?

– Всегда. Он сидит за этим столиком весь день.

– Сколько раз вы это делали?

– Три.

Бармен все еще занимался своими делами в дальнем конце стойки.

– Еще пять минут, и я буду должен не двадцать две с половиной тысячи, а двадцать три с половиной, – прошептал Шевик.

– Плата за задержку – тысяча долларов?

– За каждый день.

– Тут нет вашей вины, – прошептал в ответ Ричер. – Ведь он не пришел.

– Их нельзя назвать разумными людьми.

Шевик продолжал смотреть на дверь. Бармен закончил свою воображаемую работу и, переваливаясь, двинулся по диагонали к центру стойки, враждебно вздернув подбородок, словно показывая, что готов выслушать заказ, но не намерен его выполнить.

Он остановился на расстоянии в ярд и выжидающе посмотрел на Ричера.

– Что? – спросил Ричер.

– Вы что-то хотели? – спросил бармен.

– Уже нет. Я хотел, чтобы вы прошли туда и обратно. Вам явно необходимо двигаться. Но теперь вы с этим справились, и меня все устраивает. В любом случае спасибо.

Бармен смотрел на Ричера. Оценивал ситуацию. И она ему совсем не нравилась. Может быть, под стойкой у него имелась бейсбольная бита или пистолет, но он понимал, что не успеет до них добраться. Ричер находился от него на расстоянии вытянутой руки. Так что ответ должен был быть вербальным. А это

требовало усилий. В конце концов его спас настенный телефон, который зазвонил прямо у него за спиной. Старомодный звонок. Долгий, приглушенный и скорбный, потом еще один.

Бармен повернулся и снял трубку. Телефон был классического дизайна, с большой трубкой из пластика и витым проводом – таким длинным, что он волочился по полу. Бармен послушал, повесил трубку и указал подбородком в сторону Шевика, все еще сидевшего за угловым столиком.

– Приходите сегодня вечером, в шесть часов.

– Что? – спросил Шевик.

– Вы меня слышали.

И бармен снова отошел, чтобы заняться другим воображаемым делом.

Ричер уселся за столик Шевика.

– Что он имел в виду, когда сказал, чтобы я вернулся в шесть часов? – спросил тот.

– Думаю, что человек, которого вы ждете, задержался, но позвонил, чтобы выяснить, здесь ли вы.

– Ну, не знаю, – пробормотал Шевик. – А как относительно срока в двенадцать часов?

– Не ваша вина, – повторил Ричер. – Ведь это он не пришел на встречу, а не вы.

– Он скажет, что я должен ему еще тысячу.

– Нет, ведь он не явился в назначенное время, – сказал Ричер. – И все это знают. Бармен взял трубку. Он – свидетель. Вы были здесь, а тот человек – нет.

– Мне негде взять еще тысячу долларов, – сказал Шевик. – У меня их попросту нет.

– Я думаю, что отсрочка не скажется на вашем долге. Это же очевидно. Как одно из условий заключенного контракта. Вы предлагаете законный тендер в правильном месте и в нужное время. Они не пришли, чтобы его принять. Таков один из общих принципов работы закона. Адвокат сможет лучше все объяснить.

– Никаких адвокатов, – сказал Шевик.

– Из-за них вы также тревожитесь?

– Я не могу позволить себе адвоката, – сказал Шевик. – В особенности если мне придется искать еще тысячу долларов.

– Вам не придется. Нельзя получить и то и другое. Вы пришли вовремя. А они – нет.

– Они не прислушиваются к доводам разума.

Бармен бросил на них мрачный взгляд от противоположного конца стойки.

Часы в голове Ричера показали ровно двенадцать.

– Мы не можем ждать здесь шесть часов, – сказал он.

– Моя жена будет беспокоиться, – ответил Шевик. – Мне следует пойти домой, а потом вернуться сюда.

– Где вы живете?

– Примерно в миле отсюда.

– Если хотите, я могу вас проводить, – предложил Ричер.

Шевик долго молчал.

– Нет, я не могу просить вас об этом. Вы и без того очень много для меня сделали, – наконец сказал он.

– Проклятье, получилось невнятно и вежливо, – заметил Ричер.

– Я не могу вас больше задерживать. У вас наверняка есть свои дела.

– Обычно я стараюсь не иметь никаких дел. Очевидно, это реакция на мою прошлую предельно регламентированную жизнь. В результате у меня нет определенного места, куда я направлялся бы, зато есть все время мира, чтобы туда попасть. Так что я охотно отклонюсь на одну милю в сторону.

– Нет, я не могу просить вас об этом, – со вздохом сказал Шевик.

– Регламентация моей прошлой жизни, как я уже говорил, была связана со службой в военной полиции, где меня научили многое замечать. Не просто физические улики, но самые разные вещи о людях. Как они себя ведут, во что верят... Человеческая природа и так далее и тому подобное. По большей части чепуха, но иногда оказывается существенным фактором. Сейчас вам предстоит прогулка длиной в милю по не самому приятному району, в кармане у вас больше двадцати тысяч долларов, и вы чувствуете себя странно – ведь вы уже должны были с ними расстаться, и, если потеряете их, это станет настоящей катастрофой, а вас сегодня уже пытались ограбить. И правда в том, что вы боитесь, но знаете, что я могу вам помочь, у вас все болит после нападения, вы двигаетесь не лучшим образом и понимаете, что и тут я могу вам помочь, поэтому вам следует попросить меня проводить вас до дома.

Шевик не ответил.

– Но вы хорошо воспитаны, – продолжал Ричер. – Вы хотите, чтобы я получил награду. И если я провожу вас до дома и познакомлюсь с вашей женой, вам кажется, что вы должны угостить меня обедом. Но у вас его нет. И вы смущены. Однако вам не следует смущаться. Я все понимаю. У вас материальные проблемы. Вы не обедали нормально уже пару месяцев. И у меня складывается впечатление, что при этом похудели на двадцать фунтов. У вас обвисла кожа. Поэтому мы купим по пути сэндвичи. Денежки Дяди Сэма. Вот откуда наличные у меня в кармане. Налоги, которые вы платили, когда работали. По пути мы

насладимся беседой, а потом я провожу вас обратно. Вы расплатитесь с ростовщиком, и я пойду дальше своим путем.

– Спасибо вам, – сказал Шевик. – И я говорю совершенно искренне.

– Всегда пожалуйста, – ответил Ричер. – И я говорю совершенно искренне.

– А куда вы ехали?

– В какое-нибудь другое место. Часто это зависит от погоды. Я не люблю, когда холодно. Тогда можно сэкономить на теплой крутке.

Бармен снова посмотрел в их сторону, но он все еще находился далеко.

– Пойдемте, – предложил Ричер. – Здесь человек может умереть от жажды.

Глава 04

Аарон Шевик шел на встречу с сорокалетним албанцем по имени Фисник, который обычно сидел за столом в дальнем углу бара. Он являлся одним из двух людей, упомянутых Грегори, боссом украинцев. Дино позвонил ему домой и предложил зайти на лесопилку до того, как он приступит к работе в баре. В голосе Дино не прозвучало даже намек на угрозу; более того, босс был веселым и энергичным, как если б собирался похвалить и признать заслуги Фисника. Быть может, расширить его возможности, или сообщить о бонусе, или и то и другое... Может быть, его ждало повышение и новый статус в организации...

Однако все получилось иначе. Фисник в превосходном настроении вошел через маленькую дверь рядом с поднимающимися воротами; через минуту его привязали при помощи клейкой ленты к деревянному стулу, и запах сосны внезапно напомнил ему о гробе, а рев пилы прозвучал как звуки агонии. Сначала ему просверлили колени беспроводной дрелью «ДеВольт», используя сверло в четверть дюйма диаметром. А потом двинулись дальше. Он ничего им не рассказал, потому что говорить было нечего.

Его молчание приняли за признание стоика. Такова была их культура. Он заслужил некоторое неохотное восхищение за силу духа, но этого оказалось недостаточно, чтобы остановить сверло. Фисник умер примерно в то время, когда Ричер и Шевик вышли из бара.

* * *

Первую половину мили они шли мимо заброшенных кварталов, вроде того, где расположился бар, потом оказались на открытом месте, где прежде находились пастбища площадью в десять акров, пока не вернулись домой солдаты со Второй мировой войны. Пастбища застроили ровными рядами небольших одноэтажных домиков, на разных уровнях из-за расположения лугов. За эти семьдесят лет у всех домов по несколько раз меняли крыши, так что не осталось даже двух одинаковых; у некоторых появились пристройки и новая виниловая обшивка. Часть домов могла похвастаться аккуратно подстриженными лужайками, но встречались и заросшие травой и сорняками дворы, однако в остальном над этой частью города витал призрак послевоенного единообразия – маленькие парковки, узкие дороги, крутые правые повороты с расчетом на возможности рулевого управления «Фордов», «Шевроле», «Студебеккер» и «Плимут» 1948 года...

Ричер и Шевик зашли в кафе возле бензоколонки, и Джек купил три сэндвича с куриным салатом, три пачки чипсов и три бутылки содовой. Ричер нес пакет в правой руке, а левой помогал Шевику, и они медленно продвигались вперед по перенаселенному району. Оказалось, что дом Шевика находится в глубине, в тупике, где имелось место для полного разворота автомобиля, едва ли шире самой дороги. Как на конце старомодного термометра.

Дом стоял слева, за белым забором из штакетника, сквозь который проросли ранние розы. Когда-то он был ухоженным, но с тех пор прошло немало времени. Пыльные окна, длинная лужайка...

Ричер и Шевик вышли на бетонную дорожку, ширины которой едва хватало для них двоих. Шевик достал ключ, но не успел вставить его в замок, как дверь открылась. На пороге стояла женщина. Миссис Шевик, тут не могло быть никаких сомнений. Между ними существовала очевидная связь. Седая, сгорбленная, сильно похудевшая, также около семидесяти лет, но голова высоко поднята, а в ясных глазах все еще горит огонь. Она посмотрела на лицо мужа.

Царапины на лбу и щеке, запекшаяся кровь на губе...

– Я упал, – сказал Шевик. – Споткнулся на тротуаре и разбил колено. И больше ничего. Вот джентльмен, который оказался настолько добр, что помог мне.

Непонимающий взгляд женщины на секунду переместился на Ричера и тут же вернулся к мужу.

– Нам нужно привести тебя в порядок, – сказала она.

Она отступила назад, и Шевик вошел в коридор.

– А ты... – начала жена, но замолчала, смутившись перед незнакомцем.

Очевидно, она хотела спросить: «А ты заплатил тому парню?» Но некоторые проблемы лучше не доверять чужим людям.

– Это сложно, – сказал Шевик.

Некоторое время все молчали.

Ричер протянул пакет с едой, купленной в кафе.

– Мы принесли обед, – сказал он. – Подумали, что в данных обстоятельствах нам не стоит заходить в магазин.

Миссис Шевик снова посмотрела на него, все еще не понимая, что происходит, а потом у нее в глазах появилась обида. Смущение. Стыд.

– Он знает, Мария, – сказал Шевик. – Он был детективом в армии и прочитал меня, как открытую книгу.

– Ты ему рассказал?

– Он сам понял, – ответил Шевик. – У него отличная подготовка.

– А что сложно? Что произошло? Кто тебя ударил? Этот мужчина?

– Какой мужчина?

Мария посмотрела Ричеру в глаза.

– Этот, с обедом, – сказала она. – Он – один из них?

– Нет, – ответил Шевик. – Вовсе нет. Он совершенно с ними не связан.

– Тогда почему он пришел с тобой? Он тебя провожал? Он похож на тюремного охранника, – заявила Мария.

– Когда меня... – начал Шевик, но остановился и поправился: – Когда я споткнулся и упал, он проходил мимо и помог мне подняться. А потом я понял, что не могу идти самостоятельно, и он снова помог. Он меня не преследовал. И не провожал. Он здесь, потому что я здесь. Ты не можешь получить одно без другого. Не сейчас. Потому что я повредил колено. Все очень просто.

– Но ты же сам сказал, что все сложно, – возразила Мария.

– Нам лучше зайти в дом, – сказал Шевик.

Его жена некоторое время стояла неподвижно, потом повернулась и повела их в дом, который внутри выглядел так же, как и снаружи. Старый, ухоженный, но только не в последнее время. Маленькие комнаты, узкие коридоры... Они вошли в гостиную, где стояли диванчик для двоих и два кресла; имелись розетки и провода, но телевизора не было.

– Итак, все-таки что сложно? – снова спросила миссис Шевик.

– Фисник не пришел, – сказал Шевик. – Обычно он сидит там весь день. Но не сегодня. Он лишь передал по телефону, что я должен вернуться туда в шесть часов.

– Ну и где сейчас деньги?

– У меня.

– Где?

– В кармане.

– Фисник заявит, что теперь мы должны ему еще тысячу долларов, – сказала миссис Шевик.

– Этот джентльмен так не думает.

Женщина снова посмотрела на Ричера и перевела взгляд на мужа.

– Нам нужно пойти и привести тебя в порядок. – Потом она снова взглянула на Джека, указала в сторону кухни и сказала: – Пожалуйста, положите обед в холодильник.

Холодильник оказался практически пустым. Ричер открыл дверцу и обнаружил тщательно вымытое пространство, где стояли несколько бутылок, содержимому которых было не менее полугода. Он поставил пакет на среднюю полку, вернулся в гостиную и стал ждать. На стенах висели семейные фотографии, сгруппированные как в журналах. Самыми старыми оказались три потемневших от времени черно-белых снимка в изящных рамках.

На первом перед домом стоял солдат со своей невестой, так решил Ричер. На нем новенькая форма цвета хаки. Рядовой. Вероятно, слишком молодой, чтобы сражаться во Вторую мировую. Вероятно, отслуживший трехлетний срок в Германии уже после ее окончания. Вероятно, призванный снова на войну в Корею. На женщине платье в цветочек, доходившее до икры. Оба улыбаются. Обшивка дома у них за спиной блестит на солнце. Они стоят на голой земле.

На второй фотографии у них под ногами ухоженная лужайка, которой, наверное, уже год, а у женщины на руках ребенок. Те же улыбки, такая же блестящая на солнце обшивка. Молодой отец уже снял военную форму; он одет в брюки из искусственной ткани, с завышенной талией, и белую рубашку с коротким рукавом. Молодая мать сменила платье в цветочек на тонкий свитер и бриджи. Ребенок полностью завернут в шаль, так что видно только лицо, бледное и не

слишком четкое.

На третьей фотографии они снова втроем, лет через восемь. За их спинами высокие растения закрывают половину дома, под ногами сочная густая трава. Мужчина через восемь лет уже не такой подтянутый и худой, он слегка раздался в поясе и плечах, волосы поредели и зачесаны назад. Женщина стала еще более хорошенькой, чем прежде, но у нее усталое лицо – женщины на фотографиях пятидесятих годов часто так выглядели.

Восьмилетняя девочка, стоявшая перед ними, была совершенно определенно Марией Шевик. Что-то в форме лица и прямом взгляде говорило о том, что это она. Девочка выросла, родители постарели и умерли, и Мария унаследовала дом. Так решил Ричер. Следующие несколько фотографий подтвердили его догадку. Они были сделаны в потускневших цветах «Кодака», но в том же месте. Та же часть стены. Та же традиция. На первой из новой серии миссис Шевик в возрасте двадцати лет рядом с более прямым и стройным мистером Шевиком, которому также около двадцати; молодые ясные лица, контрастные тени – счастливые широкие улыбки.

Вторая группа фотографий располагалась дальше, слева направо – та же пара с младенцем на руках; ребенок рос, начал ходить, девочка четырех лет, восьми. Сами Шевики менялись вместе с модой на прически семидесятых годов, большие и пышные; блузки в обтяжку с широкими рукавами.

В следующем ряду Ричер увидел девочку-подростка, потом выпускницу школы и молодую женщину. Затем она стала старше, а «Кодак» – новее. Сейчас ей уже около пятидесяти, решил Ричер. Как же называлось это поколение? Должно же оно иметь свое название... Все остальные имели. Кажется, дети послевоенного бума рождаемости.

– А, вот вы где, – сказала миссис Шевик у него за спиной.

– Я любовался вашими фотографиями, – признался он.

– Да...

– У вас есть дочь, – заметил Ричер.

– Да, – повторила она.

В этот момент вошел мистер Шевик. Кровь исчезла с его губы, царапины блестели от желтой мази. Он причесался.

– Давайте поедим, – предложил мистер Шевик.

На кухне стоял маленький стол с алюминиевой окантовкой, ламинированная столешница которого заметно потускнела за долгие годы контакта с тряпкой, но когда-то была яркой и искрящейся; рядом с ним – три одинаковых виниловых стула. Возможно, мебель купили еще в детстве Марии Шевик, для ее первых взрослых обедов. Ножик и вилка, пожалуйста и спасибо. Теперь, через много лет, она предложила Ричеру и мужу садиться, выложила сэндвичи из кафе на фарфоровые тарелки, чипсы – в фарфоровые чашки, а содовую налила в мутные стеклянные бокалы. Затем посмотрела на Ричера и сказала:

– Должно быть, вы считаете нас очень глупыми. Если мы умудрились попасть в такое положение.

– Вовсе нет, – ответил тот. – Возможно, вам просто очень не повезло. Или вы оказались в отчаянном положении. Я не сомневаюсь, что вам пришлось прибегнуть к крайним мерам. Вы продали телевизор. И много других вещей. Полагаю, заложили дом. Но этого оказалось недостаточно. Вам пришлось искать альтернативные источники средств.

– Да, – подтвердила миссис Шевик.

– Я уверен, что у вас были серьезные причины.

– Да, – снова сказала она.

Больше миссис Шевик ничего не стала говорить. Они с мужем принялись за еду – очень медленно, по одному кусочку сэндвича, потом немного чипсов – и глоток содовой. Словно наслаждались необычным вкусом. Или беспокоились о пищеварении. В кухне стало тихо. Сюда не доносился шорох шин проезжавших автомобилей и другие уличные звуки. Стены частично покрывал кафель, как в метро, выше шли обои с цветами, как на платье матери миссис Шевик, но более

бледные и не такие дерзкие. На полу лежал линолеум с вмятинами от острых каблучков, снова ставший гладким после многочисленных уборок. Электрические бытовые приборы в последний раз меняли, когда президентом был Никсон. Но Ричер подумал, что столешницы так и остались прежними. Бледно-желтый пластик с изящными волнистыми линиями, похожими на пульсации сердца на мониторе в больничной палате.

Миссис Шевик закончила свой сэндвич. Допила содовую. Стряхнула остатки чипсов с влажных кончиков пальцев. Вытерла салфеткой губы. И посмотрела на Ричера.

– Благодарю вас, – сказала она.

– Не за что, – ответил он.

– Вы считаете, что Фисник не попросит еще тысячу долларов?

– Не должен. Но это не то же самое, что он не станет.

– Я думаю, нам придется платить.

– Я готов с радостью обсудить этот вопрос с Фисником, – предложил Ричер. – От вашего имени. Если хотите. Я мог бы привести ему целый ряд аргументов.

– И я уверена, что они были бы весьма убедительны. Но мой муж сказал, что вы здесь проездом. Завтра вас тут не будет. А мы останемся. Скорее всего, безопаснее заплатить.

– Но у нас нет еще тысячи долларов, – вмешался Аарон Шевик.

Его жена не ответила. Она вертела на пальце кольцо, может быть, подсознательно, – тонкое золотое обручальное кольцо и небольшое колечко на помолвку с бриллиантом. Она думает о ломбарде, понял Ричер. Наверное, рядом с автобусным вокзалом, на дешевой улице. Но ей потребуется нечто больше, чем обручальное кольцо и маленький бриллиант, чтобы получить тысячу долларов. Возможно, у нее остались вещи матери, которые лежат на втором этаже в ящике туалетного столика. Может быть, они получили наследство от умерших тетюшек

и дядюшек, булавки, кулоны и часы, подаренные им после выхода на покой...

– Мы пересечем этот мост, когда окажемся перед ним, – сказала миссис Шевик. – Может быть, он поведет себя разумно. Вдруг он не станет просить больше денег?

– Они неразумные люди, – возразил мистер Шевик.

– У вас есть прямые свидетельства? – спросил у него Ричер.

– Только косвенные. Фисник в самом начале объяснил мне про штрафы. У него в телефоне были фотографии и короткое видео. Меня заставили их посмотреть. В результате мы все платежи делали вовремя. До настоящего момента.

– А вы не думали обратиться в полицию?

– Конечно, думали. Но мы добровольно заключили контракт. Мы взяли займы их деньги и приняли условия. И одно из них заключалось в том, что мы не обращаемся в полицию. Мне показали наказание, заснятое на телефон Фисника. В целом мы решили, что рисковать не стоит.

– Вероятно, разумное решение, – сказал Ричер, хотя думал иначе.

Он считал, что Фиснику следовало нанести удар в горло, а не уважать заключенный с ним контракт. Возможно, после этого треснуть его лицом о стол, в том, самом дальнем углу в баре. Но, с другой стороны, Ричер не был голодающим согбенным стариком семидесяти лет. Наверное, они приняли разумное решение.

– В шесть часов многое прояснится, – сказала миссис Шевик.

* * *

В течение следующих нескольких часов они избегали этой темы, беседуя о своей жизни, как при обычных вежливых разговорах. Миссис Шевик действительно унаследовала дом от родителей, которые купили его вслепую, охваченные

всеобщим стремлением стать средним классом, по биллю о льготах солдатам Второй мировой войны. Она сама родилась год спустя, как и лужайка на фотографии, и выросла здесь, а в тот год, когда ее родители умерли, познакомилась с будущим мужем, квалифицированным станочником из тех же мест. Через год у них родилась дочь, ставшая вторым поколением. Она хорошо училась в школе и нашла работу. Дочь так и не вышла замуж, и у нее не было детей, но что с того? Ричер заметил, что тон их рассказа изменился, когда дело дошло до настоящего времени. Он стал унылым, каким-то напряженным, словно о некоторых вещах они не могли говорить.

Часы у него в голове показали пять. Он проходил милью за пятнадцать минут, большинству людей для этого требовалось двадцать, но он понимал, что у Шевика дорога займет почти час.

– Время пришло, – сказал Ричер. – Нам пора.

Глава 05

Ричер снова помог Шевику спуститься с тротуара, перейти на противоположную сторону улицы и подняться на тротуар. Как и в прошлый раз, он вошел в бар первым. По той же причине. Незнакомый мужчина, входящий перед целью, в десять раз менее подозрителен на подсознательном уровне, чем незнакомец, который идет сразу вслед за ней. Человеческая природа. По большей части ерунда, но иногда оказывается существенным фактором.

За стойкой стоял тот же толстый тип. Но теперь в зале находились девять новых посетителей. Две пары и пятеро одиночек, занимавших отдельные столы. Один из них сидел на том же месте шесть часов назад. Другой одиночкой оказалась женщина лет восьмидесяти. Она держала в руках стакан с прозрачной жидкостью – скорее всего, не водой.

Столик в дальнем правом углу был занят.

За ним сидел крупный мужчина лет сорока с такой бледной кожей, что в тусклом свете казалось, будто она испускает сияние. Бледные глаза, белые ресницы и

белые брови. Волосы цвета кукурузных рыльцев подстрижены так коротко, что блестят. Толстые белые запястья лежат на краю стола, большие белые пальцы – на пухлой бухгалтерской книге. Иностраный алфавит. Не русский. Что-то другое.

Ричер сел, не сделав заказ. Через минуту вошел прихрамывающий Шевик и посмотрел на дальний столик в правом углу. И снова удивленно остановился. Затем сделал несколько шагов в сторону и сел за стол Ричера.

– Это не Фисник, – прошептал он.

– Вы уверены? – спросил Ричер.

– У Фисника смуглая кожа и черные волосы.

– Вы когда-нибудь видели этого типа?

– Никогда, всегда приходил Фисник.

– Может быть, он заболел и сюда звонили именно по этой причине, – предположил Ричер. – Ему требовалась замена, но он не мог ее найти до шести часов.

– Может быть.

Джек промолчал.

– Что? – прошептал Шевик.

– Вы уверены, что никогда не видели этого парня?

– А что?

– В таком случае и он вас никогда не видел. У него есть лишь строка в бухгалтерской книге.

– Что вы предлагаете?

– Раз так, я вполне могу быть вами. Я расплачусь с этим типом за вас, а заодно урегулирую детали.

– Вы имеете в виду, если он попросит еще денег? – уточнил Шевик.

– Я могу попытаться его убедить. Многие люди в конечном счете поступают правильно.

Теперь уже Шевик ничего не ответил.

– Я должен быть уверен в одном, – сказал Ричер. – В противном случае я буду выглядеть глупо.

– В чем именно?

– Это последний платеж? Двадцать две с половиной тысячи, и всё?

– Да, такова сумма нашего долга.

– Дайте конверт.

– Это безумие.

– У вас был трудный день. Расслабьтесь немного.

– Мария правильно сказала, – заметил Шевик. – Завтра вас здесь не будет.

– Я не оставляю вас с этой проблемой. Он либо согласится, либо нет, – продолжал убеждать его Ричер. – Если не согласится, ваше положение не станет хуже. Но решать вам. Меня устроит любой вариант. Я не ищу неприятностей. Я люблю спокойную жизнь. Но вы сможете сэкономить себе прогулку до стола в углу и обратно. Ваше колено все еще выглядит не лучшим образом.

Несколько долгих мгновений Шевик сидел неподвижно и молчал. Потом вытащил из кармана конверт и быстрым незаметным движением протянул Ричеру, который взял его. Толщиной три четверти дюйма. Тяжелый. Джек положил конверт в карман и сказал:

– Сидите спокойно.

Он встал и зашагал в сторону дальнего угла. Ричер считал себя современным человеком, рожденным в двадцатом веке, живущим в двадцать первом, но он также знал, что в голове у него имеется открытый портал, червоточина, ведущая в примитивное прошлое человечества, где в течение миллионов лет каждое живое существо могло оказаться хищником или соперником, а потому его следовало быстро и точно оценивать. Кто находится на верхней ступеньке пищевой цепочки? Кому следует подчиниться?

Он сразу понял, что громила, сидевший за угловым столиком, будет серьезным соперником, если до этого дойдет и они перейдут от словесных действий к физическим. Нет, не предельно серьезным. Нечто среднее между большим и маленьким вызовом. Почти наверняка он прошел подготовку, если только не служил в армии США, где учат самым грязным методам рукопашной борьбы в мире, хотя никогда не признаются в этом публично. Кроме того, противник был крупным, заметно моложе и выглядел так, словно у него имелся немалый опыт в подобных делах. Ричер понял, что его едва ли удастся легко напугать. Он явно привык одерживать победы.

Древняя часть мозга Джека приняла информацию на подсознательном уровне и выдала «желтое» предупреждение, однако это его не остановило. Сидевший за столом громила, в свою очередь, наблюдал за ним, делая свои атавистические оценки. Кто является высшим животным? Парень выглядел весьма уверенным в себе. Как если бы считал свои шансы предпочтительными.

Ричер сел на стул, на котором шесть часов назад осторожно пристроился Шевик. Место для посетителей. Вблизи мужчина, сидевший на месте принимающей стороны, выглядел несколько старше, чем издалека. Сорок с лишним. Может быть, между сорока и пятьюдесятью. Заметно старше. Серьезный мужчина с точки зрения возраста, но впечатление несколько портил призрачный цвет кожи. Пожалуй, это было самой заметной его чертой. И еще татуировки, неумело сделанные и неровные. Тюремные чернила. Скорее всего, не в американской тюрьме.

Громила взял бухгалтерскую книгу, открыл и подвинул на край стола, затем с некоторым затруднением посмотрел на нее, как если бы держал карты слишком близко к груди.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– А тебя? – поинтересовался Ричер.

– Мое имя не имеет значения.

– Где Фисник?

– Фисника заменили. И теперь ты будешь иметь дело со мной.

– Мне нужно кое-что побольше, чем твои слова. Речь идет о важной сделке и значительной сумме. Фисник одолжил мне деньги, и я должен ему их вернуть.

– Я уже сказал, что вместо Фисника ты теперь будешь вести все дела со мной. Его клиенты стали моими клиентами. Если ты должен деньги ему, значит, теперь ты должен мне. Это не бином Ньютона. Как тебя зовут?

– Аарон Шевик, – ответил Ричер.

Его собеседник, прищурившись, посмотрел в книгу. И кивнул.

– Это последняя выплата? – спросил он.

– Я получу расписку? – задал свой вопрос Ричер.

– А Фисник давал тебе расписки?

– Ты не Фисник. Я даже не знаю твоего имени.

– Мое имя не имеет значения, – повторил громила.

– А для меня имеет, – заявил Джек. – Я должен знать, кому плачу.

Не-Фисник постучал пальцем, белым, точно кость, по блестящей голове.

– Твоя расписка здесь, – сказал он. – Больше тебе ничего не надо знать.

– Но завтра ко мне может прийти Фисник, – возразил Ричер.

– Я уже сказал тебе дважды: вчера ты принадлежал Фиснику, а сегодня ты мой. И завтра все еще будешь моим. Фисник стал историей. Фисник ушел. Вещи меняются. Сколько ты должен?

– Я не знаю, – сказал Ричер. – Это говорил мне Фисник. У него есть формула.

– Какая формула?

– О выплатах, штрафах и дополнениях. С округлением до сотни плюс пятьсот долларов на административные расходы. Такими были его правила. Я никогда не мог их понять. И не хотел, чтобы он думал, будто я собираюсь недоплачивать. Я предпочитал отдавать ему столько, сколько он говорил. Так безопаснее.

– И сколько, думаешь, ты должен?

– Сейчас? – уточнил Ричер.

– Твой последний платеж.

– Я бы не хотел, чтобы ты подумал, что я собираюсь тебе недоплатить. Ведь ты унаследовал бизнес Фисника. Я полагаю, что условия останутся теми же.

– Тогда назови мне оба числа, – предложил Не-Фисник. – Что ты посчитал сам, а потом – сколько получится по формуле Фисника. Может быть, я сделаю тебе скидку, а разницу мы поделим. Как начальное предложение.

– У меня получилось восемьсот долларов, – сказал Ричер. – Но Фисник, скорее всего, насчитал тысячу четыреста. Как я уже говорил. Округление до целой

сотни плюс пятьсот.

Его собеседник, прищурившись, посмотрел в книгу. Потом кивнул, медленно, с мудрым видом, полностью соглашаясь.

– Но скидки не будет, – сказал он. – Я решил ее не делать. Я возьму с тебя тысячу четыреста.

Он закрыл книгу и положил ее на стол.

Ричер засунул руку в карман, быстро отсчитал четырнадцать сотенных банкнот из пачки Шевика и протянул через стол. Бледный тип проверил их уверенными движениями, сложил и убрал в карман.

– Теперь мы в расчете? – спросил Ричер.

– В полном, – сказал Не-Фисник.

– Расписка?

Громила снова постучал пальцем по своей голове.

– А теперь проваливай, – сказал он. – До следующего раза.

– В каком смысле? – спросил Ричер.

– Тебе потребуется новый заем.

– Надеюсь, что нет.

– Неудачникам вроде тебя всегда нужны деньги, – заявил новый ростовщик. – Ты знаешь, где меня найти.

Ричер немного помолчал.

– Да, – сказал он. – Я знаю. Можешь не сомневаться.

Он задержался на несколько секунд, потом встал и медленно, глядя прямо перед собой, вышел из бара, пока не оказался на тротуаре.

Через минуту появился хромавший Шевик.

– Нам нужно поговорить, – сказал Ричер.

Глава 06

Шевик все еще владел сотовым телефоном. Он объяснил, что не продал его, потому что аппарат был старым и почти ничего не стоил, избавиться от него получилось бы заметно дороже, а потому он продолжал им пользоваться. К тому же иногда возникали моменты, когда телефон был необходим. Ричер сказал, что сейчас наступил именно такой момент, и попросил Шевика вызвать такси. Тот возразил, что он не может себе этого позволить, но Ричер ответил, что может, по крайней мере один раз.

За ними приехала старая «Краун Виктория» с отслаивающейся оранжевой краской, полицейским прожектором и рулевой фарой на крыше. Не самое привлекательное транспортное средство. Однако оно функционировало. Со стонами и вилянием они преодолели милю, отделявшую их от дома Шевика. Ричер снова помог старику пройти по узкой бетонной дорожке, и вновь дверь открылась до того, как Шевик успел вставить ключ в замочную скважину. Миссис Шевик посмотрела на него. Такси? Из-за колена? Но тогда зачем вместе с тобой вернулся этот мужчина?

И самое главное: мы должны еще тысячу долларов?

– Все снова сложно, – сказал Шевик.

Они опять направились на кухню. Плита оставалась холодной. Никакого обеда – они сегодня уже ели. Все уселись за стол. Шевик рассказал свою часть истории. Вместо Фисника пришел другой мужчина, жутковатого вида бледный незнакомец с большой черной книгой. Ричер предложил выступить в качестве посредника.

Миссис Шевик перевела взгляд на Джека.

– Я практически уверен, что он украинец. У него на шее тюремная татуировка. Совершенно определенно кириллица.

– Я не думаю, что Фисник был украинцем, – сказала миссис Шевик. – Фисник – это албанское имя. Я смотрела в словаре.

– Он сказал, что Фисника заменили. И все дела, которые кто-либо вел с Фисником, теперь переходят к нему, а клиенты Фисника стали его клиентами. Он сказал: если вы были должны деньги Фиснику, теперь вы должны их мне. Повторил несколько раз. Сказал, что это не бином Ньютона.

– Он хотел получить еще одну тысячу долларов? – спросила миссис Шевик.

– Он открыл бухгалтерскую книгу так близко к груди, что ему самому было неудобно ее читать, – сказал Ричер. – Сначала я не понимал, почему он так делает, и решил, что просто не хочет, чтобы я видел записи. Он спросил, как меня зовут, и я ответил: «Аарон Шевик». Он посмотрел в свою книгу и кивнул. И мне это показалось странным.

– Почему? – спросила миссис Шевик.

– Каковы шансы, что он открыл книгу на букве «Ш»? Одна двадцать шестая[1 - В английском алфавите 26 букв.]. Возможно, но маловероятно. Тогда я стал думать, что он прятал ее вовсе не из-за записей – просто не хотел, чтобы я увидел, что в ней ничего нет. Такова моя догадка. И он доказал, что она верна. Он спросил, сколько я должен. Он попросту не знал. У него не было данных Фисника. И он принес не его бухгалтерскую книгу, а держал в руках совершенно пустую.

– И что все это значит? – спросила миссис Шевик.

– Это значит, что происходит не рутинная внутренняя реорганизация. Они не посадили Фисника на скамейку запасных, чтобы выставить на поле замену. Речь о враждебном поглощении со стороны. Там полностью сменился менеджмент. Я проанализировал все, что говорил тот тип. И все понял. Кто-то другой занял

место Фисника в организации.

– Подождите, – сказала миссис Шевик. – Я слышала по радио. Кажется, на прошлой неделе. У нас появился новый полицейский комиссар. Он утверждает, что в нашем городе действуют две враждующие банды: украинцы и албанцы.

– Ну вот, еще одно подтверждение. – Ричер кивнул. – Украинцы частично забирают бизнес у албанцев. Теперь вы имеете дело с новыми людьми.

– Они хотели получить лишнюю тысячу долларов? – снова спросила миссис Шевик.

– Они смотрят в будущее, а не в прошлое, – ответил Ричер. – Они готовы списать старые долги Фисника. Все или частично. Потому что у них нет другого выхода. Они не знают, кто и сколько должен. Они не располагают необходимой информацией. Так почему бы не списать? Ведь деньги принадлежали не им. И это не их клиенты. Они лишь хотят получить их в дальнейшем. Вот и всё. Они сейчас работают на будущее. Хотят обеспечить себя на многие годы вперед.

– Вы ему заплатили? – спросила миссис Шевик.

– Он спросил, каков мой долг, и я рискнул: сказал, тысяча четыреста долларов. Он посмотрел на пустую страницу, торжественно кивнул и согласился. Ну, я и отдал ему тысячу четыреста долларов. Тогда он сказал, что я могу идти, и подтвердил, что я полностью расплатился.

– И где остальные деньги? – спросила миссис Шевик.

– Здесь, – сказал Ричер.

И вытащил из кармана конверт, который стал лишь немногим менее толстым. Там все еще лежали двести одиннадцать банкнот. Двадцать одна тысяча сто долларов. Ричер положил деньги на стол, посередине. Равноудаленно. Шевик и его жена смотрели на них и молчали.

– Мы живем во вселенной, полной случайностей. Иногда синяя луна[2 - Английская идиома *once in a blue moon* («однажды при синей луне») переводится

на русский как «после дождичка в четверг», «когда рак на горе свистнет», «раз в год по обещанию» – т. е. крайне редко, почти никогда.] поворачивается в нужную сторону. Как в данном случае. Кто-то начал войну, и вы оказались величиной, противоположной сопутствующему ущербу.

– Только если Фисник не появится на следующей неделе и не пожелает получить все деньги плюс еще семь тысяч, – заметил мистер Шевик.

– Он не появится, – сказал Ричер. – Фисника заменили. И сообщил об этом украинский гангстер с тюремной наколкой, из чего следует, что Фисник почти наверняка мертв. Или полностью выведен из игры. Он не появится на следующей неделе. И ни в какой другой день. А у новых парней нет к вам ни малейших претензий. Они так сказали. Вам не грозит опасность.

Наступило долгое молчание.

– Благодарю вас, – сказала миссис Шевик.

Тут зазвонил мобильный телефон Шевика; тот, прихрамывая, вышел в коридор и включил связь. Ричер услышал слабый пластиковый писк. Мужской голос, решил он. Слов Джек разобрать не смог. Какой-то длинный поток информации. Потом ответ Шевика, громкий и четкий, с расстояния в десять футов, дальше тихое согласие, усталое и лишенное удивления, однако Ричер уловил разочарование. Затем Шевик задал вопрос.

– Сколько? – спросил он.

Слабый пластиковый писк что-то ответил.

Шевик закрыл телефон, немного постоял на месте, потом, все так же хромая, вернулся на кухню, сел за стол, сложил перед собой руки и посмотрел на конверт. Его взгляд не был пристальным. Скорее в нем смешались сладость и горечь. Равноудаленно. На очень сильно удаленном расстоянии от всех других чувств.

– Они хотят еще сорок тысяч долларов, – сказал он.

Его жена закрыла глаза, а потом поднесла руки к лицу.

– Кто хочет? – спросил Ричер.

– Не Фисник, – сказал Шевик. – И не украинцы. Ни те, ни другие. Совсем другая история. Это причина, по которой мы брали деньги взаймы с самого начала.

– Вас кто-то шантажирует? – спросил Ричер.

– Нет, ничего подобного. Я бы очень хотел, чтобы все было так просто. Могу лишь сказать, что нам приходится оплачивать счета и сейчас мы получили очередной. Теперь мы должны найти сорок тысяч долларов. – Он снова посмотрел на конверт. – Часть суммы у нас уже есть благодаря вам. – Он погрузился в вычисления. – Технически нам нужно еще восемнадцать тысяч девятьсот долларов.

– К какому сроку?

– К завтрашнему утру.

– А вы их найдете?

– Мы не можем найти даже восемнадцать центов.

– Почему так быстро?

– Некоторые вещи не могут ждать.

– Что вы собираетесь делать?

Шевик не ответил.

Его жена убрала руки от лица.

– Пойдем к мужчине с тюремной наколкой, – ответила она. – У нас нет выбора. Мы опустошили все наши запасы.

– А вы сможете вернуть ему деньги? – спросил Ричер.

– Мы подумаем об этом, когда придет время, – ответила миссис Шевик.

Все молчали.

– Я сожалею, что больше не могу вам помочь, – сказал Джек.

Миссис Шевик посмотрела на него.

– Вы можете, – сказала она.

– В самом деле?

– Более того, вы должны. Мужчина с тюремной наколкой думает, что вы – Аарон Шевик. Вы должны получить у него для нас деньги.

Глава 07

Они проговорили еще тридцать минут. Ричер и Шевики снова и снова возвращались к деталям с разных сторон. Некоторые факты удалось установить довольно быстро. Фиксированные точки. Решающие факторы. Им нужны деньги. Без вопросов. Без обсуждений. Они совершенно необходимы к утру. Никаких отклонений от возможного курса. Никакой гибкости.

И они отказывались что-либо объяснить.

Сбережения всей их жизни подошли к концу. Дом Шевикам уже не принадлежал. Недавно они получили ссуду под залог дома – заключили договор, специально разработанный для пожилых людей, по которому те могли жить в нем до самой смерти, но право владения перешло к банку. Полученную ими значительную сумму они уже потратили. И больше банк им ничего не даст. Их кредитные карты были использованы на максимум и аннулированы. Они взяли в долг под страхование жизни и отказались от стационарного телефона. Продали

машину и все вещи, имевшие хоть какую-то ценность. Остались только личные безделушки. Их фамильные ценности состояли из пяти золотых обручальных колец в девять карат, трех маленьких колец с бриллиантами и золотых часов с треснувшим стеклом. Ричер прикинул, что даже в самый счастливый момент жизни самый добросердечный ростовщик в мире даст за них двести долларов. И никак не больше. Или даже сотню в неудачный день. Меньше капли в ведре.

Они начали иметь дело с Фисником пять недель назад. Узнали про него от соседей. Это был слух, а не рекомендация. Имя, связанное со скандалом. Какая-то зловещая история про кузена жены соседа, который занял деньги у гангстера в баре. Его звали Фисник, представляете? Шевик сумел сузить радиус поисков, основываясь на деталях и разговорах, после чего стал один за другим проверять все бары подряд в данном районе, краснея и смущаясь под удивленными взглядами; тем не менее у каждого следующего бармена он спрашивал, не знает ли тот человека по имени Фисник, пока на четвертой попытке толстяк с отвратительными манерами не указал ему большим пальцем в сторону углового столика.

– И как это было устроено? – спросил Ричер.

– Совсем просто, – ответил Шевик. – Я подошел к его столику, остановился перед ним, и он стал меня разглядывать, потом предложил сесть. Я принял его приглашение. Сначала ходил вокруг да около, а потом просто сказал, что мне нужны деньги и я знаю, что он может дать в долг. Фисник спросил, сколько я хочу получить, и я ответил. Он объяснил условия договора и показал фотографии. Я посмотрел видео и дал ему номер моего счета. Через двадцать минут деньги пришли в мой банк. Их каким-то не оставляющим следа способом перевели через корпорацию в штате Делавэр.

– А я представлял сумку с деньгами, – сказал Ричер.

– Возвращать деньги мы должны были наличными, – сказал Шевик.

Джек кивнул.

– Два в одном, – сказал он. – Решение двух задач сразу. Ростовщичество и отмывание. Они отправляют грязные деньги, а получают чистые с улицы. Ко всему прочему высокий процент. При отмывании денег в большинстве случаев

процент теряется, а не выигрывается. Полагаю, парни совсем не дураки.

– Только не исходя из нашего опыта, – сказал Шевик.

– Как вы думаете, украинцы будут лучше или хуже?

– Наверное, хуже. Закон джунглей это уже доказал.

– И как вы рассчитываете вернуть деньги?

– Это проблема завтрашнего дня. – Шевик пожал плечами.

– Вам больше нечего продать, – заметил Ричер.

– Ну, какое-нибудь решение найдется.

– Разве что в ваших мечтах.

– Нет, в реальности. Мы кое-чего ждем. У нас есть основание думать, что это случится довольно скоро. Нам пришлось сильно затянуть пояса.

Но они категорически отказались рассказать, чего именно ждут.

* * *

Двадцать минут спустя ничем не обремененный Ричер пересек улицу четырьмя быстрыми шагами, поднялся на тротуар и открыл дверь бара. Внутри было светлее, чем раньше, снаружи стемнело, и стало заметно более шумно – ведь в баре собралось значительно больше посетителей, в том числе группа из пяти мужчин, сидевших за столиком на четверых и погрузившихся в какие-то приятные воспоминания.

Белокожий ростовщик по-прежнему сидел за столиком в дальнем углу.

Ричер направился прямо к нему. Гангстер не спускал с него глаз. Джек попытался вспомнить их предыдущий разговор. Он знал, что должен следовать определенным условностям. Ростовщик и тот, кто берет займы. Ричер старался держаться дружелюбно – так ему казалось, – свободные непринужденные движения, никаких угроз окружающим. Он сел на тот же стул.

– Аарон Шевик, верно? – спросил украинец.

– Да, – ответил Ричер.

– Что привело тебя ко мне так скоро?

– Мне нужен заем.

– Так быстро? Ты только что рассчитался.

– Возникли новые обстоятельства.

– Я же говорил, – сказал бледный парень. – Неудачники вроде тебя всегда возвращаются.

– Я помню, – не стал спорить Ричер.

– Сколько ты хочешь?

– Восемнадцать тысяч девятьсот долларов.

Белокожий ростовщик покачал головой.

– Столько не могу, – сказал он.

– Почему нет?

– Это слишком большой скачок от восьми сотен в прошлый раз.

– От тысячи четырехсот, – поправил его Ричер.

– Из них шестьсот – гонорар и процент. Исходная сумма всего восемьсот долларов.

– Так было тогда. Сейчас все по-другому. Мне нужна именно такая сумма.

– А тебе можно доверять?

– Раньше всегда было можно. Спроси у Фисника.

– Фисник уже история, – сказал ростовщик.

И замолчал.

Ричер ждал.

– Может быть, есть вариант, при котором я смогу тебе помочь, – наконец заговорил белокожий. – Однако ты должен понимать, что я рискую и это отразится на цене. Тебя устраивает такой сценарий?

– Пожалуй, да, – сказал Ричер.

– И еще должен сказать, что я люблю круглые числа. Не могу дать восемнадцать тысяч девятьсот. Только двадцать. Плюс тысяча сто мне, за обслуживание. И ты получишь сумму, которая тебе нужна. Хочешь узнать проценты?

– Пожалуй, да, – повторил Ричер.

– Со времен Фисника все изменилось. Мы перешли в эру инноваций. Цены у нас стали динамическими. Мы увеличиваем и снижаем проценты в зависимости от спроса и предложения и тому подобных вещей, а также многое зависит от нашего мнения о заемщике. Насколько он надежен? Можем ли мы ему верить? Такого рода вопросы.

– Ну и как обстоит дело со мной? – спросил Ричер. – Процент растет или понижается?

– В твоём случае я намерен начать с самого верха, где риск максимален. Правда состоит в том, что ты мне не очень нравишься, Аарон Шевик. Меня преследует неприятное чувство. Сегодня ты получишь двадцать тысяч, а через неделю принесешь двадцать пять. За каждую неделю или даже несколько дней просрочки твой долг вырастет на двадцать пять процентов плюс тысяча долларов за день или часть дня. После первого срока возврата все суммы должны быть выплачены по первому требованию. Отказ или неспособность выполнить мои условия может привести к очень неприятным последствиям. Я хочу, чтобы ты осознал их прямо сейчас и сказал об этом вслух. Такие вещи нельзя написать на бумаге и поставить подпись. У меня есть фотографии, на которые ты должен посмотреть.

– Прекрасно, – сказал Ричер.

Белокожий тип прикоснулся к экрану телефона. Появилось меню, альбомы, слайд-шоу. Он показывал фото не в портретном, а в ландшафтном режиме, что было вполне естественно, ведь все объекты лежали. Большинство были примотаны клейкой лентой к железному остову кровати в комнате с побеленными стенами, ставшими серыми от времени и сырости. Некоторым выковыривали глаза ложкой, других касались электрической пилой, постепенно входившей в тело все глубже, обжигали раскаленным железом, сверлили при помощи беспроводных электроинструментов, которые были четко видны на фотографиях – желтые и черные, тяжелые и вибрирующие, и сверла уходили на две трети в слабую плоть.

Очень неприятные фотографии.

Ричер видел вещи и похуже. Но на одном телефоне, пожалуй, это был рекорд.

Он вернул телефон. Ростовщик снова повозился с меню, пока не нашел нужное место. Он перешел к серьезному бизнесу.

– Ты понял условия контракта?

– Да.

– Ты с ними согласен?

– Да.

– Банковский счет?

Ричер назвал цифры, которые сообщил ему Шевик. Белокожий тип набрал их прямо в телефоне и нажал на большую прямоугольную кнопку зеленого цвета в нижней части. Стартовую кнопку.

– Деньги появятся на твоём банковском счете через двадцать минут.

Затем он снова повозился с меню, неожиданно поднял телефон и использовал его как камеру, сфотографировав Ричера.

– Благодарю вас, мистер Шевик. С вами приятно иметь дело. Встретимся ровно через неделю.

Он снова постучал по своей колючей голове белым, как кость, пальцем, повторяя прежний жест. Что-то о памяти. С угрожающими намеками.

«Как пожелаешь», – подумал Ричер.

Он встал и вышел из бара в темноту. У тротуара стоял автомобиль. Черный «Линкольн» с работающим на холостом ходу двигателем. За рулем бездельничал водитель, который откинулся на спинку сиденья, широко расставив локти и колени, как все шоферы лимузинов; он отдыхал.

Рядом с машиной, опираясь о багажник, стоял какой-то тип, одетый так же, как водитель и бледный ростовщик из бара. Черный костюм, белая рубашка, черный шелковый галстук. Что-то вроде формы. Скрестив руки на груди, он ждал. Этот тип выглядел как белокожий ростовщик, сидевший в углу бара, после того как провел месяц на солнце, и от его кожи не исходило сияние. Светлые, коротко подстриженные волосы, сломанный нос, следы шрамов на бровях.

«Не самый лучший боец, – подумал Ричер. – Очевидно, он пропускал слишком много ударов».

– Ты – Шевик? – спросил парень.

- А кто спрашивает? – поинтересовался Ричер.
 - Люди, которые только что дали тебе займы деньги.
 - Похоже, ты уже знаешь, кто я такой.
 - Мы намерены отвезти тебя домой.
 - Предположим, я не хочу никуда с вами ехать.
 - Часть сделки, – сказал парень.
 - Какой сделки?
 - Нам нужно знать, где ты живешь.
 - Зачем?
 - Страховка.
 - Проверьте меня, – предложил Ричер.
 - Мы проверили.
 - И?..
 - Тебя нет в телефонной книге. Ты не владеешь недвижимостью, – продолжал парень в черном костюме.
- Ричер кивнул. Шевики отказались от стационарного телефона. А их домом владел банк.
- Он промолчал.
- А миссис Шевик существует в природе? – спросил настырный тип.

– Зачем вам это знать?

– Может быть, нам следует поговорить с ней, пока мы будем смотреть, где ты живешь. Мы любим наблюдать за нашими клиентами. И любим дружить семьями. Мы поняли, что это помогает бизнесу. А теперь садись в машину.

Ричер покачал головой.

– Ты меня неправильно понял, – заявил Черный Костюм. – У тебя нет выбора. Это часть сделки. Ты взял у нас деньги.

– Ваш молочно-белый друг объяснил мне условия контракта, причем с большими подробностями. Плата за управление, динамические цены, штрафы... Он даже поделился со мной визуальной информацией. А затем спросил, принимаю ли я его условия; я сказал «да, принимаю», и мы заключили договор. Вы не можете добавлять после этого дополнительные условия вроде поездки ко мне домой и знакомства с семьей. В момент переговоров я не стал бы возражать, но контракт – это улица с двухсторонним движением. Предмет обсуждения и соглашения. Он не может меняться в одностороннем порядке. Таков базовый принцип.

– Хорошо излагаешь, – заявил тип в черном костюме.

– Надеюсь, – сказал Ричер. – Иногда я беспокоюсь из-за своего избыточного педантизма.

– Что?

– Вы имеете полное право предложить подвезти меня, но не можете настаивать на моем согласии.

– Что?

– Ты слышал.

– Ладно, я предлагаю тебя подвезти. Последний шанс. Садись в машину, – прорычал Черный Костюм.

– Скажи «пожалуйста», – потребовал Ричер.

Тот долго молчал.

– Пожалуйста, садись в машину, – наконец проворчал он.

– Ладно, – ответил Джек. – Раз уж ты так вежливо попросил.

Глава 08

Самый безопасный способ перевозить враждебного заложника – заставить его сесть за руль и не дать пристегнуть ремень. Парни из «Линкольна» этого не сделали. Они выбрали второй лучший вариант – посадили Ричера сзади, за пустым передним пассажирским сиденьем, чтобы он не мог атаковать того, кто находился непосредственно впереди. Тип, который вел переговоры, занял место с другой стороны, за водителем, вполоборота к Ричеру.

– Куда ехать? – спросил он.

– Развернитесь, – сказал Джек.

Водитель сделал U-образный разворот от одного тротуара до другого, задел бордюрный камень передним колесом и покати́л дальше.

– Прямо вперед пять кварталов, – сказал Ричер.

Водитель так и сделал. Он был версией первого парня, только не такой бледный. Белокожий, конечно, но не ослепительно. Такие же короткие золотистые волосы и большие розовые уши, торчавшие перпендикулярно голове. На тыльной стороне левой руки Ричер заметил шрам от ножа, скорее всего полученный при обороне. Из-под правого рукава выглядывала потускневшая татуировка, похожая на паука.

Шины «Линкольна» постукивали на разбитом асфальте и булыжном покрытии мостовой. Они миновали пять кварталов и оказались у перекрестка со светофором. Там, где остановился Шевик, перед тем как перейти дорогу. Им предстояло покинуть старый мир и отправиться в новый. Плоская, открытая местность. Бетон и гравий. Широкие тротуары. В темноте все выглядело иначе. Впереди находился автобусный вокзал.

– Прямо, – сказал Ричер.

Водитель проехал на зеленый свет. Они миновали автобусный вокзал и покатали дальше, держась на вежливом расстоянии от районов с высокой арендной платой. Через полмили оказались у того места, где автобус сворачивал с главной магистрали.

– Направо, – сказал Ричер. – В сторону автострады.

Он заметил, что двухполосная дорога шла через город, называясь Центральной улицей, потом расширилась до четырех полос и получила номер, как шоссе штата. Впереди появился огромный супермаркет. Чуть дальше находились парковки.

– Проклятье, куда мы едем? – спросил громила, сидевший сзади. – Здесь никто не живет.

– Поэтому мне тут нравится, – ответил Ричер.

Дорога стала ровной. Шины тихонько шипели. Впереди ни одной машины. Джек не знал, что происходит сзади, но не мог рисковать и оборачиваться.

– Объясните мне еще раз, зачем вы хотите увидеть мою жену, – сказал он.

– Обычно это оказывается полезным, – ответил парень, сидевший сбоку.

– В каком смысле?

– Мы выплачиваем банковскую ссуду, потому что тебя беспокоит твой кредитный рейтинг и доброе имя, а также положение в общине, – сказал парень. – Но

сейчас ты лишился всего. Можно считать, что ты в сточной канаве. О чем тебе теперь беспокоиться? Что может заставить тебя вернуть деньги?

Они проехали мимо парковок. Все еще никакого движения. На некотором расстоянии впереди находился большой автосалон. Проволочная ограда, ряды темных силуэтов, флажки, которые в лунном свете казались серыми.

– Звучит как угроза, – сказал Ричер.

– Дочери также годятся, – заметил парень сбоку.

Никаких машин.

Ричер ударил своего соседа в лицо. Совершенно неожиданно. Внезапный взрыв мышечной энергии. Без предупреждения. Свайный молоток с максимальной скоростью и поворотом внутри ограниченного пространства машины. Голова громилы ударилась о раму окна у него за спиной, и на стекло брызнула кровь из носа.

Ричер перезарядил батарейки и ударил водителя. С такой же силой. И с тем же результатом. Наклонился вперед и провел прямой правой в ухо. Голова дернулась в сторону, ударилась о стекло и отскочила – в это время подоспел второй прямой правой в то же ухо, а потом третий, окончательно погасивший свет. Водитель упал на рулевое колесо.

Ричер мгновенно сложился в нише под задним сиденьем.

Через секунду машина ударилась в ограду автосалона на скорости сорок миль в час, раздался оглушительный грохот и вой банши – это взорвались воздушные подушки, Ричера прижало к спинке переднего сиденья, которое рванулось вперед и врезалось в подушку безопасности как раз в тот момент, когда «Линкольн» влетел в первую из выставленных на продажу машин, в ближайшем конце длинного ряда под флажками. Ударил ее сильно, прямо в блестящий бок; ветровое стекло рассыпалось, задняя часть поднялась в воздух, а потом рухнула на землю. Двигатель заглох, и машина застыла в тишине и неподвижности, если не считать яростного шипения пара под разбитым капотом.

Ричер выбрался обратно на сиденье. Он принял главную силу удара на спину и сейчас чувствовал себя так, как выглядел лежавший на тротуаре Шевик. Все тело у него болело.

Обычная боль или хуже?

Пожалуй, обычная, решил он. Подвигал головой, шеей, плечами и ногами. Ничего не сломано, ничего не разорвано. Совсем неплохо.

Чего никак нельзя было сказать о его спутниках. Водитель получил удар в лицо подушкой безопасности, а потом – головой своего напарника, которого швырнуло вперед, точно копье, прямо сквозь ветровое стекло, где он и остался лежать лицом вниз, сложившись в поясе на смятом капоте. Ноги стали ближайшей частью его тела по отношению к Ричеру. Он не двигался. Как и водитель.

Джек распахнул дверь со своей стороны, услышал скрежет рвущегося металла и выполз из машины, после чего захлопнул дверцу. Никакого движения на шоссе. Как сзади, так и впереди, если не считать приближавшихся и мигавших фар, до которых оставалось около мили. Машина подъезжала все ближе. В минуте от них, со скоростью шестьдесят миль в час. «Линкольн» врезался в микроавтобус «Форд», который оказался сдавлен с одной стороны. Изогнут, как банан. На ветровом стекле висел баннер: «Никаких аварий». «Линкольн» превратился в рухлядь. Он полностью сложился гармошкой, от багажника до ветрового стекла. Как реклама безопасности в газете. Если не считать громилы, лежавшего на капоте.

Фары приближались. А со стороны города появились другие. Ограда, окружавшая новые автомобили, была разорвана, как в рисованном мультике. Рваные завитки проволоочной сетки аккуратно завернулись в одну сторону, словно их засосало в зону пониженного давления. Длина дыры в ограде составляла восемь футов. Исчезла почти вся секция. Интересно, есть ли на ней сенсоры движения, подумал Ричер. Соединенные с беззвучной сигнализацией. И с полицейским департаментом. Возможно, таково требование страховой компании. Внутри, несомненно, было чем поживиться.

Пора уходить.

Ричер шагнул в дыру в ограде. Его тело потеряло гибкость и болело, покрылось многочисленными синяками, но продолжало функционировать. Стараясь держаться подальше от дороги, спотыкаясь, он побрел параллельно ей, через поля и пустые парковки. Но сначала отошел на пятьдесят футов, чтобы свет фар не мог его захватить, пока автомобили находились на значительном расстоянии. Некоторые двигались медленно, другие – быстро. Может быть, полицейские, может быть, нет. Он обогнул дальнюю сторону первой офисной парковки, потом второй, после чего свернул и зашагал в сторону гигантской парковки супермаркета, намереваясь выйти через нее на дорогу.

* * *

Грегори узнал новости почти сразу, от вахтера, работавшего в приемном отделении больницы и являвшегося членом украинской сети осведомителей. Тот вышел покурить и тут же позвонил боссу. Двое парней Грегори только что прибыли в приемный покой на носилках. Сигнальные огни и сирены. Один в очень плохом состоянии, другой – еще в худшем. Оба, вероятно, умрут. Ходили разговоры об автомобильной аварии возле дилера «Форда».

Грегори призвал своих главных помощников, и через десять минут они собрались вокруг стола в помещении за диспетчерской такси.

– Нам известно лишь, что сегодня вечером двое наших парней отправились в бар, чтобы проверить адрес одного из клиентов кредитного бизнеса албанцев, – сказал правая рука Грегори.

– Сколько времени занимает проверка адреса? – спросил тот. – Они должны были давно ее закончить. Скорее всего, тут что-то совсем другое. Два эпизода не связаны между собой. Не может быть проблем с проверкой адреса. Проклятье, кто живет возле дилера «Форда»? Никто. Значит, они довезли клиента до дома, записали адрес, может быть, сделали снимок, после чего поехали к дилеру «Форда». Зачем? Должно быть, у них имелась какая-то причина. И почему они разбились?

– Может быть, они кого-то преследовали, – предположил один из его помощников. – Или их туда заманили, ударили и столкнули с дороги. Ночью там обычно пусто.

– Ты думаешь, это Дино? – спросил Грегори.

– Вы должны спросить, почему именно эта пара, – продолжал тот же помощник. – Может быть, за ними следили с того момента, как они подъехали к бару? Что вполне разумно. Возможно, Дино хочет нам кое-что показать. Мы украли его бизнес. Мы ведь ждем реакции с его стороны.

– После того, как он догадается, – заметил Грегори.

– Может быть, теперь он в курсе.

– И сколько он будет показывать нам свое недовольство?

– Возможно, ограничится этим. Два бойца за двух бойцов. Мы оставляем себе его бизнес. Так он отступит с честью. Дино – реалист. У него не так уж много вариантов. Он не может начать войну, ведь за нами следят копы.

Грегори ничего не ответил. В комнате стало тихо. Никаких звуков, кроме приглушенного бормотания диспетчера такси, доносившегося из переднего офиса. Через закрытую дверь. Фоновый шум. Никто не обращал на него внимания. Если б они прислушались, то узнали бы, что позвонил водитель такси – сообщить, что довез пожилую леди до супермаркета и намерен использовать свободное время, пока та занимается покупками, чтобы немного заработать и отвезти нового пассажира домой, к старым типовым домам к востоку от центра города. Мужчина шел пешком, но выглядел вполне цивилизованно, и у него имелись наличные. Может быть, сломался его автомобиль. Четыре мили туда и четыре обратно. Он успеет вернуться еще до того, как пожилая леди пройдет вдоль рядов с выпечкой. Никаких проблем.

* * *

В этот момент Дино получил более раннюю, но менее полную версию новостей. Прошел час, прежде чем она добралась до него по цепочке. В ней ничего не говорилось о разбившемся автомобиле. Большая часть дня ушла на то, чтобы избавиться от Фисника и его сообщника. Реорганизацией занялись слишком поздно. Нечто вроде запоздалой мысли. В бар отправили замену, чтобы подхватить бизнес Фисника. Выбранный ими человек подъехал к бару немногим

позже восьми вечера и сразу увидел у входа украинских бойцов, которые охраняли бар. Он обошел здание и проник внутрь через пожарный выход, чтобы заглянуть в зал. На месте Фисника в дальнем правом углу сидел украинец и разговаривал с крупным мужчиной, выглядевшим растрепанным и бедным. Очевидно, это был клиент.

Албанец, приехавший заменить Фисника, решил перегруппироваться и отступить. Он позвонил. Человек, с которым он связался, передал его сообщение дальше. Тот отправил его по цепочке. Плохие новости доставляются медленно. Они добрались до Дино только через час, и он собрал своих главных помощников на лесопилке.

– Существует два возможных сценария, – сказал Дино. – Либо история со списком полицейского комиссара – правда и они самым подлым и гнусным образом воспользовались моментом и захватили наш бизнес, – или вранье и они планировали эту комбинацию с самого начала и обманули нас, а мы сами расчистили для них дорогу.

– Полагаю, мы должны надеяться, что имеет место первый вариант, – сказал его правая рука.

Дино довольно долго молчал.

– Боюсь, нам придется сделать вид, что мы им верим, – наконец заговорил он. – У нас нет выбора. Мы не можем начать войну. Не сейчас. Нам придется оставить им ростовщичество. У нас нет реальных рычагов, чтобы его вернуть. Но мы сдадим его с честью. Мы должны взять два за два. И ни в коем случае не меньше. Убейте двоих украинцев, и мы будем в расчете.

– Каких именно? – спросил правая рука.

– Мне все равно, – заявил Дино.

Но потом он передумал.

– Нет, их нужно выбрать очень тщательно. Мы должны найти способ получить преимущество.

Глава 09

Ричер вышел из такси неподалеку от дома Шевиков и зашагал по узкой бетонной дорожке. Дверь открылась до того, как он успел позвонить в звонок. На пороге стоял Шевик, за спиной которого горел свет; в руке он держал телефон.

– Деньги пришли час назад, – сказал он. – Благодарю вас.

– Не за что, – ответил Ричер.

– Вы задержались. Мы подумали, что вы уже не вернетесь, – сказал Шевик.

– Мне пришлось выбрать окольный путь, – объяснил Джек.

– Почему?

– Давайте войдем в дом. Нам нужно поговорить.

На этот раз они устроились в гостиной. Фотографии на стенах, отсутствующий телевизор. Шевики сели в кресла, Ричер – на диванчик.

– Все прошло примерно так же, как у вас с Фисником, – сказал он. – Вот только ростовщик меня сфотографировал. Однако нельзя исключать, что это даже к лучшему. Ваше имя, мое лицо. Небольшая путаница не помешает. Но будь я настоящим клиентом, мне бы такое не понравилось. Совсем. У меня появилось бы ощущение, что на мое плечо лег костлявый палец, и я почувствовал бы себя уязвимым. Но когда я вышел из бара, история получила продолжение. На улице торчали два парня, пожелавшие отвезти меня домой, чтобы выяснить, где я живу. Посмотреть на мою жену, если она у меня есть. Еще один костлявый палец. Быть может, даже целая рука.

– Что произошло потом? – спросил Шевик.

– Втроем мы достигли другой договоренности, ни в коей мере не связанной с вашим именем или адресом. На самом деле то, что случилось, сильно сбивает с толку. Я хотел, чтобы появился элемент тайны. Их боссы заподозрят послание, но у них не будет уверенности в том, кто за ним стоит. Скорее всего, они подумают на албанцев. И никак не свяжут с ним вас.

– Что случилось с теми людьми? – спросил Шевик.

– Они стали частью послания, – ответил Ричер. – Ну, типа, это Америка. Не отправляйте на важное дело придурка, который был седьмым во время боев в подпольном бойцовском клубе Киева. Отнеситесь к делу серьезно. Покажите немного уважения.

– Они видели ваше лицо.

– Они его не вспомнят. С ними приключился несчастный случай. Их сильно помяло, и в воспоминаниях будет отсутствовать последний час или два. Ретроградная амнезия, так это называется. Довольно распространенная вещь при подобных физических травмах. Если, конечно, они сначала не умрут.

– Значит, всё в порядке? – спросил Шевик.

– Не совсем.

– Что-то еще?

– Они не слишком разумные люди.

– Мы знаем.

– Как вы намерены возвращать деньги? – спросил Ричер.

Они не ответили.

– Вам нужно отдать им двадцать пять тысяч ровно через неделю. Опаздывать нельзя. Они и мне показали фотографии. Вряд ли Фисник был хуже. Вам необходим план.

– Неделя – это долгий срок, – сказал Шевик.

– На самом деле нет, – возразил Ричер.

– Может произойти что-то хорошее, – заговорила миссис Шевик.

И ничего больше.

– Вам лучше рассказать мне, чего вы ждете, – попросил Ричер.

* * *

Конечно, дело было в их дочери. Взгляд миссис Шевик бродил по стене, пока она говорила. Они дали ей имя Маргарет, однако с самого детства называли Мэг. Она росла умным счастливым ребенком, полным обаяния и энергии, любила других детей, любила детский сад. И начальную школу. Мэг любила читать, писать и рисовать. Она все время улыбалась и болтала. Она могла убедить любого сделать все, что угодно. Она могла бы продать лед эскимосам, сказала ее мать.

И точно так же она любила среднюю и старшую школы. Она пользовалась популярностью и всем нравилась. Она участвовала в спектаклях, пела в хоре, бегала и плавала. Получила диплом, но не пошла в колледж. Она обладала хорошими книжными знаниями, но не это являлось ее главной силой. Мэг была душой любой компании. Ей требовалось находиться на людях, улыбаться, болтать, всех очаровывать. Подчинять их своей воле, если уж быть честными до конца. Она обожала иметь цель.

Мэг поступила на работу с испытательным сроком в представительском бизнесе и бегала по городу от одного офиса к другому, налаживая связи с общественностью, стараясь максимально использовать возможности местного бюджета. Она работала очень много, сделала себе имя, ее повысили, и к тому времени, когда ей исполнилось тридцать, она получала больше денег, чем ее отец, всю жизнь проработавший механиком. Десять лет спустя, когда ей исполнилось сорок, дела все еще шли хорошо, но она чувствовала, что ее подъем стал замедляться. Ускорение уменьшилось. Она уже видела свой

потолок. Мэг сидела за письменным столом и думала: «И всё?»

Нет, решила она. Мэг хотела одержать еще одну большую победу. И не просто большую. Она находилась не в том месте и прекрасно это понимала. Она знала, что ей необходимо переехать. Скорее всего, в Сан-Франциско, где сосредоточены деньги и новые технологии. Где необходимо объяснять сложные вещи. Она не сомневалась, что рано или поздно ей придется туда отправиться. Или в Нью-Йорк. Но она колебалась. Шло время. А потом удивительным образом Сан-Франциско сам пришел к ней, если можно так выразиться.

Она узнала, что существует нескончаемая игра, которую ведут люди, занимающиеся недвижимостью, и бухгалтеры из сектора высоких технологий, где главный приз получал тот, кто угадывал, в каком месте будет следующая Кремниевая долина, чтобы оказаться там раньше других. По какой-то причине ее родной город соответствовал всем тайным признакам. Началась массовая реставрация, появились нужные люди, нужные здания, энергия и скоростной Интернет. Первые разведчики уже начали разнюхивать ситуацию.

Мэг через подругу подруги познакомилась с парнем, который знал другого парня, – и тот организовал интервью с основателем совершенно нового предприятия. Они встретились в центре города, в кафе. Ему было двадцать восемь, и он только что прилетел на самолете из Калифорнии. Какой-то родившийся за границей компьютерный гений, придумавший новое медицинское программное обеспечение и приложение для мобильных телефонов. Миссис Шевик призналась, что она никогда не понимала, что именно делал этот продукт, если не считать того, что с его помощью люди становились богатыми.

Мэг предложили должность старшего вице-президента по связям с общественностью и местным вопросам. Компания была новой, едва оперившейся, и зарплату ей назначили не слишком высокую. Не намного больше, чем она получала прежде. Но к должности прилагался огромный пакет социальных льгот. Фондовые опционы, замечательный пенсионный план, золотая медицинская страховка и европейский автомобиль купе. И еще довольно странные штуки прямо из Сан-Франциско вроде бесплатной пиццы, сладостей и массажа. Мэг все это понравилось. Но самым выгодным являлся фондовый опцион. Она могла стать миллиардером. В буквальном смысле. Вот так все и началось.

Поначалу все шло превосходно. Мэг отлично справлялась, поддерживала темп, и два или три раза в течение первого года казалось, что они смогут добраться до самой вершины. Но этого не случилось. Как и во второй год. Все шло хорошо, они оставались на подъеме, но количество так и не перешло в качество. На третий год наступило ухудшение. Инвесторы начали нервничать. Финансирование уменьшилось. Но они держались, стараясь экономить изо всех сил. Сдавали в аренду два этажа своего здания. Обходились без бесплатных пицц и сладостей. Массажные столы сложили и убрали. Они работали больше, чем прежде, бок о бок, в стесненных условиях, все еще полные упорства и решимости.

А потом выяснилось, что Мэг заболела раком.

Или, точнее, она обнаружила, что это произошло шесть месяцев назад. Мэг была слишком занята, чтобы ходить по врачам. Она думала, что теряет вес из-за того, что слишком много работает. Но ошиблась. Ей поставили плохой диагноз. Очень опасный вид рака, который успел зайти достаточно далеко. Единственной надеждой оставался новый вид лечения. Очень экзотический и дорогой, но первые результаты, внушавшие надежду, уже были получены. Казалось, они приводили к улучшению. Процент успеха повышался. Других шансов не существовало, сказали врачи. Мэг удалось найти место в программе, и ее записали на первую серию сеансов со следующего утра.

И тут начались неприятности.

– Возникли проблемы с ее страховкой, – сказала миссис Шевик. – Номер счета не работал. Мэг готовили к химиотерапии, а все вокруг бегали и спрашивали ее полное имя, дату рождения и номер социального страхования. Это был кошмар. Они позвонили в страховую компанию, но там никто не понимал, что происходит. Наконец сумели отыскать ее историю – они же знали, что Мэг является их клиентом. Однако код не срабатывал. Всякий раз высвечивалась ошибка. Они сказали, что дело в компьютерах. Мол, ничего страшного и к завтрашнему дню все будет исправлено. Но больница заявила, что ждать больше нельзя. Нас заставили подписать бумаги, в которых говорилось, что мы заплатим по всем счетам, если страховка их не покроет. Они сказали, что это технический вопрос, с компьютерами такое случается постоянно. И заверили нас, что всё будет в порядке.

– И, полагаю, они солгали, – проговорил Ричер.

– Наступил конец недели, Мэг предстояло еще два сеанса, а потом пришел понедельник, и мы всё узнали.

– Что вы узнали? – спросил Джек, хотя мог и сам догадаться.

Миссис Шевик покачала головой и вздохнула, а потом помахала рукой возле лица, словно была не в силах произнести нужные слова. Словно не могла больше говорить. Ее муж подался вперед, опираясь локтями о колени, и продолжил рассказ:

– На третий год существования компании инвесторы начали испытывать беспокойство. Дела обстояли даже хуже, чем они думали. Хуже, чем думали все. Владелец многое скрывал. От всех, в том числе от Мэг. За кулисами его предприятие разваливалось. Он перестал платить по счетам. Ни цента. Не возобновил договор по медицинскому страхованию сотрудников компании и не сделал никаких выплат. Он их попросту игнорировал. Вот почему страховка Мэг была аннулирована. Мы узнали об этом на четвертый день после начала сеансов химиотерапии.

– Тут нет ее вины, – сказал Ричер. – Совершенно точно. Это было мошенничество или нарушение контракта. Должен существовать способ все исправить.

– Да, целых два, – сказал Шевик. – Один – это правительственный фонд страхования «без виновников», второй – общий фонд страховых обществ «без виновников»; оба созданы именно для таких случаев. Естественно, мы сразу к ним обратились. В данный момент они выясняют, как распределяется ответственность между ними, и примут решение, компенсировав нам то, что мы потратили, после чего возьмут на себя расходы на лечение. Мы ждем решения со дня на день.

– Но вы не можете делать паузы в лечении Мэг, – сказал Ричер.

– Ей требуется очень серьезное лечение, – продолжал мистер Шевик. – Три или четыре сеанса в день. Химиотерапия, облучение, постоянное сканирование, разные виды лабораторных исследований. И она не может рассчитывать на программу социального обеспечения, потому что все еще считается работающей и имеет достойную заработную плату. Прессу наша проблема не заинтересовала. Где тут история? Дети в чем-то нуждаются, родители готовы заплатить... Где

кульминация? Возможно, нам не следовало подписывать бумаги. Может быть, тогда открылись бы другие двери. Однако мы всё подписали. И теперь уже слишком поздно об этом жалеть. Естественно, больница хочет, чтобы счета были оплачены. Речь не идет об отделении «скорой помощи». Расходы нельзя просто списать. Их приборы стоят миллионы долларов. Им приходится покупать радиоактивные кристаллы. Они требуют деньги вперед. Так обычно бывает в подобных случаях. Деньги на бочку. И они ничего не станут делать до тех пор, пока не получат их. А нам нечего возразить; остается лишь держаться изо всех сил, пока счета не начнет оплачивать кто-то другой. Возможно, завтра. У нас еще есть семь шансов до окончания недели.

– Вам нужен адвокат, – сказал Ричер.

– У нас нет на него денег, – ответил Шевик.

– Наверняка существует соответствующий закон, и вы можете получить юридические услуги бесплатно.

– У нас уже есть три таких адвоката. Они пытаются привлечь общественный интерес. Компания ребяташек. Они еще беднее, чем мы.

– Семь шансов до окончания недели. Звучит как строка из песни в стиле кантри.

– Ничего другого у нас нет.

– Ну, это почти план.

– Спасибо вам.

– А у вас есть план Б? – спросил Ричер.

– Нет, – ответил Шевик.

– Вы можете попытаться выждать. Меня здесь уже не будет. Моя фотография не поможет.

– Вы намерены уехать?

– Я нигде не задерживаюсь больше чем на неделю.

– У них есть наша фамилия. Я уверен, что они смогут нас найти. Наверняка имеются какие-то старые документы. На следующем уровне после телефонного справочника.

– Расскажите про адвокатов, – попросил Ричер.

– Они работают бесплатно, – ответил Шевик. – Насколько хорошими они могут быть?

– Звучит как строка из другой песни кантри.

Шевик промолчал. Его жена посмотрела на Ричера.

– Их трое, – заговорила она. – Трое милых молодых людей. Из благотворительной компании, которая занимается общественным правом. Они выполняют свой долг. С наилучшими намерениями, я уверена. Но жернова закона крутятся медленно.

– План Б может состоять в привлечении полиции, – сказал Ричер. – Через неделю, если ничего не произойдет, отправляйтесь в полицейский участок и расскажите им всё.

– Насколько хорошо они будут нас защищать? – спросил Шевик.

– Думаю, не слишком.

– И как долго?

– Не очень долго.

– Но мы сожжем все мосты, – сказала миссис Шевик. – Если того, на что мы рассчитываем, не произойдет, эти люди будут нужны нам еще сильнее. К кому еще мы сможем обратиться, когда придет следующий счет? Если мы пойдем в полицию, то лишимся возможности делать новые займы.

– Ладно, – сказал Ричер. – Без полиции. Семь шансов. Я сожалею о Мэг. Действительно сожалею. И очень надеюсь, что она справится.

Он встал и почувствовал себя слишком большим в тесном пространстве гостиной.

– Вы уходите? – спросила миссис Шевик.

Ричер кивнул.

– Я сниму номер в отеле, – сказал он. – Может быть, зайду к вам утром. Чтобы попрощаться перед отъездом. Если же нет – я был рад с вами познакомиться и желаю удачи.

И ушел, оставив их сидеть в полупустой комнате. Закрыл за собой входную дверь и зашагал по узкой бетонной дорожке к улице, потом по тротуару, мимо припаркованных автомобилей и темных тихих домов, а после того, как оказался на главной дороге, свернул в сторону города.

Глава 10

К западу от Центральной улицы бок о бок стояли два ресторана, третий находился на северной стороне квартала, четвертый – на южной, а пятый – сзади, напротив следующей улицы. Все пять процветали. В них всегда было много посетителей. Квартал городских гурманов. Это вполне устраивало службу доставки и прачечные. Одна остановка, пять клиентов. Очень удобно.

И так же удобно собирать с них деньги. Квартал принадлежал украинцам, поскольку находился к западу от Центра. Они приходили, чтобы требовать мзду за защиту, регулярно, как часы. Одна остановка, пять клиентов. Им нравилось. Они являлись поздно вечером, когда в кассах было полно денег. До того как владельцы успевали заплатить кому-то другому. Двое парней – всегда вместе, темные костюмы и черные шелковые галстуки, бледные пустые лица. Они не произносили ни единого слова. Никогда. Технически трудно доказать незаконность происходящего. На самом деле никто ничего не говорил даже в

самом начале, много лет назад, если не считать выражения субъективного эстетического мнения, а в ответ – встревоженный и сочувственный шепот.

«У вас превосходное место. Будет очень обидно, если с ним что-то случится».

Вежливый разговор. После чего им предлагали купюру в сто долларов, в ответ они качали головой, пока на свет не появлялась еще одна сотня, которая приветствовалась кивком. После первой встречи наличные обычно лежали в конверте на стойке метрдотеля. Обычно его отдавали молча. Формально вполне добровольное действие. Ни разу не прозвучало скрытых требований или предложений. Тысяча долларов за прогулку по кварталу. Почти легально. Хорошая работа, если удастся ее получить. Естественно, за нее шла борьба. Естественно, выигрывали большие псы. Старшие лейтенанты, ищущие спокойной жизни.

Но в тот вечер они ничего не получили.

Двое припарковали свой автомобиль у тротуара на Центральной улице и начали с двух находившихся здесь заведений, а потом стали обходить квартал против часовой стрелки, сделали третью остановку на северной стороне, четвертую на боковой улице, пятую – на южной. После чего продолжали идти дальше, рассчитывая завернуть за последний угол, завершить свои дела и вернуться к машине.

Они так и сделали. Но не заметили пары важных деталей. Впереди, у начала следующего квартала, возле тротуара стоял эвакуатор с включенным указателем поворота; кабина направлена в противоположную сторону, двигатель работает на холостом ходу. Примерно на одном с ним уровне по противоположному тротуару в их сторону быстро шел мужчина в темном плаще. Что это значило? Они не стали спрашивать. Они были лейтенантами, стремящимися к спокойной жизни.

Сборщики дани обошли вокруг капота своего автомобиля – пассажир с одной стороны, водитель с другой. Распахнули двери, не синхронно, но близко к тому. В последний раз огляделись по сторонам, все еще стоя у машины и высоко подняв подбородки – вдруг кто-то сомневается, что они владеют кварталом.

Парни не заметили, что эвакуатор начал медленное движение назад, прямо в их сторону. Они не заметили, как мужчина в плаще сошел с тротуара и быстро, по диагонали, направился к ним.

Они уселись на свои места – зад, колени, ноги, – но не успели захлопнуть дверцы, как из темноты с одной стороны появилась тень. Мужчина в плаще подошел с другой – оба с маленькими полуавтоматическими пистолетами калибра.22 в руках, у каждого к стволу прикручен длинный глушитель. Послышались – блат-блат-блат – выстрелы с близкого расстояния в головы сидевших в машине гангстеров, находившиеся на уровне пояса стрелков. Оба сборщика упали вперед и внутрь, подальше от пистолетов. Их простреленные головы ударились друг о друга возле часов на приборной панели, словно сражались за свободное пространство.

Двери автомобиля захлопнулись, к нему подъехал эвакуатор; стрелки подошли, чтобы его встретить. Водитель эвакуатора спрыгнул на тротуар, они втроем загрузили машину с телами на эвакуатор, сели в него и не торопясь уехали. Обычное дело. Сломавшееся транспортное средство, лишенное достоинства, тащат с поднятым багажником по улицам. В окна ничего не видно. Об этом позаботилось земное тяготение. Оба украинца лежали в узком пространстве под приборными щитками. Пока еще мягкие и гибкие. Трупное окоченение наступит только через несколько часов.

Эвакуатор покати́л в сторону дробильной установки, там машину отцепили и оставили на пропитанной бензином земле. К ней подъехал большой экскаватор, у которого вместо ковша спереди были гигантские вилочные копы. Он поднял машину и повез ее к прессу, где ее опустили на стальной пол в коробке с тремя сторонами, размером не слишком превосходящей сам автомобиль. И экскаватор отъехал. Четвертая сторона встала на место. Закрылась крыша.

Взрели двигатели, защелкала гидравлика, и стены коробки начали неумолимо сжиматься, со скрипом, стонами и скрежетом; за каждой стояла сила в сто пятьдесят тонн. Потом они замерли и с гудением вернулись на прежние места. На месте автомобиля остался куб смятого металла со стороной примерно в ярд. Некоторое время он неподвижно стоял на массивной железной решетке – чтобы стекло все лишнее: бензин, масло, тормозная жидкость и то, что оставалось в воздушном кондиционере. Плюс другие жидкости, как в данном случае. Затем подъехал брат первого экскаватора, с когтем вместо вил. Подцепив куб, он отвез его к пирамиде из сотни таких же.

И только после этого мужчина в плаще позвонил Дино. Полный успех. Два за два. Честь сохранена. Они вполне эффективно поменяли ростовщический бизнес на квартал ресторанов. Потеря в близкой перспективе, но это могло принести прибыль в будущем. Нога у двери. Они получили зону высадки, которую сначала придется защищать, но постепенно можно будет перейти к расширению. И ко всему прочему еще и доказательство того, что карты можно менять.

Дино улегся спать счастливым.

* * *

Ричер обрадовался, что ему повезло с такси на парковке супермаркета. Частично из-за экономии времени. Он решил, что Шевики беспокоятся. Также такси избавило его от дополнительных усилий – ведь его тело покрывали синяки и ссадины, которые дорого ему обошлись. Он утратил гибкость, и обратная дорога в город получилась болезненной.

Чувство направления подсказало ему, что лучшим маршрутом будет тот, с которым он был уже знаком. Обратно мимо бара и автобусного вокзала и дальше по Центральной улице, где через пару кварталов к югу находились сразу несколько отелей. Ричер не знал города. Он шел быстрее, чем ему хотелось бы, старался контролировать осанку, держать голову поднятой, а плечи – расправленными, чувствуя все источники боли, сражаясь с ними, отбрасывая прочь и не отступая ни на дюйм.

Возле бара никого не было. Ни припаркованной машины, ни надменных бойцов. Ричер осторожно приблизился к грязному окну и заглянул внутрь, мимо запыленной рекламы местного пива. Белокожий тип продолжал сидеть в дальнем углу. Все такая же светящаяся кожа. Рядом с ним никого. Ни одного злополучного клиента, чья жизнь пошла под откос.

Ричер зашагал дальше; его тело постепенно расслаблялось, начало двигаться лучше. Через несколько старых кварталов он оказался возле перекрестка со светофором; миновал автобусный вокзал, глядя в небо, чтобы отыскать неоновые отблески. Его интересовали здания со светящимися названиями. Они могли быть банками, страховыми компаниями или студиями местного телевидения. Или отелями. Или всем вышеназванным. Всего их было шесть.

Шесть башен, гордо вздымавшихся над городом. Самый центр. Гордое название.

Бо?льшая часть неоновое сияние находилась слева, на юго-западе. Ричер решил срезать угол и направился прямо туда. Свернул налево, пересек Центральную улицу, главную магистраль города, которая в его сознании была ничуть не лучше улицы с баром, но в нее вложили много денег, и она выглядела более привлекательно. Уличные фонари работают. Чистые кирпичные стены. Он нигде не увидел заколоченных окон. По большей части офисы. Не обязательно связанные с коммерцией. Самые высокие цели. Муниципальные услуги и тому подобное. Консультанты по семейным вопросам. Штабы местных политических партий. И все темные, за исключением одного.

Здание на противоположной стороне улицы, в дальнем конце квартала, было ярко освещено. Его фасад отделали в соответствии со старыми традициями. На окне реклама. Прямо на стекле, большими буквами, в старомодном стиле, шрифтом печатных машинок морской пехоты времен детства Ричера. Рекламная надпись гласила: «Публичное право».

Их трое, сказала миссис Шевик.

Из конторы под названием «Публичное право».

Три милых молодых человека.

За окном виднелось современное рабочее пространство, отделанное светлым деревом, старомодные папки с бумагами на письменных столах, за которыми сидели три парня. Молодые, тут не могло быть сомнений. Ричер не мог сказать, насколько они милые. У него еще не было мнения на сей счет. Все трое одинаково одеты: желтовато-бежевые джинсы и голубые рубашки с пуговицами на воротнике.

Ричер перешел улицу и вблизи увидел на стекле имена. Такой же шрифт, только помельче. Джулиан Харви Вуд, Джинно Ветторетто, Исаак Мехай-Байфорд. Ричер подумал, что для трех парней у них слишком много имен. И после каждого еще целая куча букв. Разные докторские степени. Один из Стэнфорда, второй из Гарварда, третий из Йеля[3 - Названия престижнейших университетов США.].

Ричер открыл дверь и вошел.

Глава 11

Все трое удивленно подняли головы. Один был брюнетом, второй – блондином, третий – кем-то посередине. Всем немногим меньше тридцати. Все выглядели усталыми. Тяжелая работа допоздна, пицца и кофе. Словно они вновь оказались в юридической школе.

– Чем мы можем вам помочь? – спросил брюнет.

– И кто вы такой? – спросил Ричер. – Джулиан, Джино или Исаак?

– Я – Джино.

– Рад познакомиться, Джино, – сказал Ричер. – Вы, случайно, не знакомы с пожилой парой Шевиков?

– А что? – поинтересовался Джино.

– Я провел с ними некоторое время и узнал про их проблемы. Они рассказали, что им помогают три адвоката из «Публичного права». И я предположил, что это вы. Более того, я практически в этом уверен. Ну сколько подобных адвокатов может позволить себе город таких размеров?

– Если они – наши клиенты, тогда, как вы должны понимать, мы не вправе обсуждать их дела, – заявил блондин.

– А вас как зовут? – поинтересовался Ричер.

– Я – Джулиан.

– А я – Исаак, – добавил ни брюнет, ни блондин.

– Ричер, приятно с вами познакомиться. Итак, Шевики являются вашими клиентами?

– Да, – ответил Джино. – И мы не можем о них говорить.

– Давайте рассмотрим гипотетический пример. В деле, аналогичном делу Шевиков, каковы шансы, что один из фондов «без виновников» выплатит им деньги в течение семи дней?

– Мы и в самом деле не можем обсуждать с вами этот вопрос, – повторил Исаак.

– Чисто теоретически, – сказал Ричер. – В качестве абстрактной иллюстрации.

– Это сложно.

– И в чем проблема?

– Если говорить абстрактно, такие дела начинаются просто, но предельно осложняются, когда члены семьи выступают в роли гарантов. Подобный шаг обычно существенно уменьшает срочность. В буквальном смысле. И сразу отодвигает решение. Фонды имеют дело с десятками тысяч запросов. Возможно, сотнями тысяч. Если им становится известно, что пациент получает необходимое лечение, они помечают его соответствующим кодом, который понижает его важность. Его, конечно, не переносят в самую нижнюю часть списка, но откладывают в долгий ящик и в первую очередь рассматривают более срочные случаи.

– Значит, Шевики совершили ошибку, когда подписали бумаги? – спросил Ричер.

– Мы не можем обсуждать Шевиков, – заявил Джино. – Это конфиденциальная информация.

– Теоретически. Гипотетически. Будет ли ошибкой для гипотетических родителей подписать такой договор?

– Конечно, – ответил Исаак. – Подумайте об этом с бюрократической точки зрения. Пациент получает лечение. Для бюрократа не имеет значения, как

именно. Он знает лишь одно: ему не грозит негативная реакция со стороны общественности, а значит, он может не спешить. Гипотетические родители должны были стоять на своем и ничего не подписывать.

– Полагаю, они просто не могли отказаться, – сказал Ричер.

– Я согласен, это было бы трудно в данных обстоятельствах, – согласился Исаак. – Но тогда бюрократу пришлось бы достать чековую книжку. Прямо в тот самый момент. У него не осталось бы выбора.

– Это вопрос образования, – вмешался Джино. – Люди должны знать о своих правах. А когда наступает такая ситуация, уже поздно. Твой ребенок лежит на носилках, и тебя переполняют эмоции.

– Произойдет ли что-нибудь в ближайшие семь дней? – спросил Ричер.

Никто не ответил.

Что уже само по себе было ответом.

– Проблема в том, – через некоторое время заговорил Джулиан, – что у них появилось время для споров. В правительственный фонд поступают деньги налогоплательщиков, и этот закон не слишком популярен. Правительство захочет, чтобы платил страховой фонд. А тот складывается из денег держателей акций. От него зависят размеры бонусов. Поэтому страховой фонд будет отбрасывать платежи обратно правительству, а те – им, и это может продолжаться достаточно долго.

– До каких пор? – спросил Ричер.

– Пока пациент не умрет, – ответил Исаак. – А это большой приз для страхового фонда. Потому что тогда спор переходит на другой уровень. Суррогатное контрактное соглашение было заключено между фондом «без виновников» и пациентом. Что тут возмещать? Человек, который умер, деньги не тратит. Уход обеспечивался щедростью близких родственников. Такое случается постоянно. Пожертвования на лечение членов семьи так распространены, что у Внутренней налоговой службы есть целый отдел, который ими занимается. Но это совсем не

то же самое, что купить акции у корпорации. Ты не выигрываешь, если со временем происходит рост фондов. Тут подсказка в самом названии. Речь о пожертвовании, о даре, который делается добровольно. И его не следует возмещать. В особенности родителям, которые не участвовали в исходном аннулированном соглашении. Все дело в правовом принципе. Прецеденты туманны. Дело может дойти до Верховного суда.

– Значит, в ближайшие семь дней рассчитывать не на что? – спросил Ричер.

– Мы будем счастливы, если они получают что-то через семь лет, – ответил Исаак.

– Они в долгах перед ростовщиками.

– Бюрократов такие вещи не волнуют.

– А вас? – спросил Ричер.

– Наши клиенты не подпускают нас к своим финансовым делам, – ответил Джулиан.

Джек кивнул.

– Они не хотят, чтобы вы сожгли их последние мосты, – сказал он.

– Так они сами говорят. – Джулиан кивнул. – В данной ситуации очевидной стратегией будет подача гражданского иска против нарушившего закон нанимателя. Здесь проиграть невозможно. Однако это никогда не делается в случаях, похожих на дело Шеевиков, потому что подобные действия выставят обвиняемого мошенником, тем самым разорив его, что не позволит выигравшему истцу получить причитающиеся ему деньги.

– И они больше ничего не могут сделать? – спросил Ричер.

– Мы обратились в суд с петицией от их имени, – сказал Джинно. – Но процесс был сразу остановлен, как только суд узнал, что их дочь получает лечение.

– Я понял, – подвел итог Ричер. – Будем рассчитывать на лучшее. Кое-кто сказал мне, что неделя – это очень долго. Спасибо за помощь. Я ее очень высоко ценю.

Он вышел из офиса на улицу и остановился на углу, чтобы уточнить направление. «Направо и налево. И я окажусь там, где нужно».

Он услышал, как дверь у него за спиной открылась, повернулся и увидел, что к нему идет Исаак. Не блондин и не брюнет. Рост примерно пять футов и девять дюймов, массивный, как кабан. В брюках с отворотами.

– Я – Исаак, вы помните? – спросил он.

– Исаак Мехай-Байфорд, – ответил Ричер. – Доктор права из Стэнфордского юридического. Крутая школа. Мои поздравления. Но я полагаю, что вы родились на другом побережье.

– В Бостоне. Мой отец служил в полиции. Вы мне немного его напомнили. Он также замечал детали.

– Теперь я начинаю чувствовать себя старым.

– Вы полицейский?

– Я был полицейским. Когда-то давно. В армии. Это считается?

– Возможно. Вы можете дать мне совет.

– Какой? – поинтересовался Ричер.

– Как вы познакомились с Шевичами? – спросил Исаак.

– Я помог мистеру Шевику выбраться из неприятного положения сегодня утром. Он повредил колено. Я проводил его до дома. Они рассказали мне свою историю.

– Его жена мне периодически звонит. У них мало друзей. Я знаю, что они делали, чтобы раздобыть деньги. Скоро у них уже не останется места для маневра.

– Думаю, у них его уже нет. Точнее, не будет через семь дней.

– У меня есть безумная собственная теория.

– О чем?

– Или я просто себя обманываю...

– И какова же ваша теория? – снова спросил Ричер.

– Последнее, что сказал Джулиан. О гражданском иске против нанимателя. Нет смысла подавать его, потому что активы корпорации ничего не стоят. Обычно это хороший совет. И в данном случае тоже. Вот только у меня нет такой уверенности.

– Почему?

– Некоторое время назад глава корпорации пользовался здесь невероятной популярностью. Все о нем говорили. Ирония судьбы в том, что Мэг Шевик превосходно исполняла обязанности специалиста по связям с общественностью. Существенная часть – это мифы о высоких технологиях, огромная работа молодых предпринимателей, активное позитивное влияние иммигрантов: как он попал в нашу страну без всего, но сумел добиться успеха... Однако я слышал и негативные вещи. Тут и там, фрагменты, слухи, по большей части не связанные между собой... Всё с чужих слов, ничем не подтвержденных, но от людей, которые должны знать правду. Мне почему-то захотелось разобраться, как сводятся в единое целое все фрагменты за спиной общественного мнения. Так вот, выяснилось, что существуют три главные темы. Он действовал сам по себе, легко обходил этические проблемы, и складывалось впечатление, что у него больше денег, чем должно было быть. Моя безумная личная теория состоит в том, что если соединить все точки в единственно возможном порядке, получится, что он постоянно снимал сливки – простая задача для человека, которому плевать на этику. Тогда и возник настоящий цунами из наличных. Я думаю, он не смог устоять перед искушением. И считаю, что спрятал миллионы долларов инвесторов под собственным матрасом.

– И это объясняет, почему его компания так легко и быстро пошла ко дну, – сказал Ричер. – У него не осталось резервов. Он все украл, и его финансовые

отчеты находились в полнейшем беспорядке.

– Дело в том, что деньги всё еще на месте, – продолжал Исаак. – Или бо?льшая их часть. Или какая-то. По-прежнему спрятаны под матрасом. И тогда гражданский иск становится вполне разумным решением. Против него лично, а не против компании.

Ричер ничего не ответил.

– Адвокат во мне говорит, что шансы один против ста, – продолжал юрист. – Но я не хотел бы, чтобы Шевики пошли ко дну, не используя все возможности. Однако не знаю, как это сделать. Вот почему и прошу у вас совета. Настоящая адвокатская фирма наняла бы частного детектива. Он нашел бы этого человека и проверил документацию. Через два дня мы знали бы всё наверняка. Но у нашего проекта отсутствует такая статья расходов. И нам слишком мало платят, чтобы мы могли сами обратиться к частному детективу.

– А зачем его разыскивать? – спросил Ричер. – Он исчез?

– Нам известно, что он все еще в городе, но залег на дно. Я сомневаюсь, что сумел бы найти его самостоятельно. Он очень умен и, если я прав, также невероятно богат. Не самое лучшее сочетание. Это снижает шансы на успех.

– Как его зовут?

– Максим Труленко, – сказал Исаак. – Он украинец.

Глава 12

Первые слухи из квартала гурманов дошли до Грегори примерно через час после того, как исчезли его люди. Ему позвонил бухгалтер с ежедневным докладом и предупредил, что задерживается из-за того, что два вполне определенных сборщика еще не пришли. Грегори спросил, какие именно, и бухгалтер ответил, что это парни, которые занимаются пятью ресторанами. Сначала Грегори ничего такого не подумал. Они были взрослыми людьми.

Но потом с ним связался его правая рука и сообщил, что двое их парней уже довольно давно перестали отвечать на телефонные звонки, а их машины нет там, где она должна быть; после чего был кинут клич флоту такси, водители получили описание автомобиля, и на этот раз ответ пришел мгновенно. Два разных человека сказали одно и то же. Некоторое время назад они видели, как похожую машину увозил эвакуатор. Передние колеса катились по земле, задние находились на эвакуаторе средних размеров. Они заметили в кабине эвакуатора три силуэта. Сперва Грегори ни о чем не догадался. Машины ломаются.

– А почему они перестали отвечать на телефонные звонки? – спросил он через некоторое время.

И в голове у него прозвучал голос Дино: «У нас есть свой человек на фабрике утилизации автомобилей. Он также должен нам деньги».

– Он решил сделать счет четыре-два, – сказал Грегори. – А не два-два. Должно быть, он сошел с ума.

– Ресторанный квартал стоит меньше, чем ростовщический бизнес, – сказал его заместитель. – Быть может, это послание.

– Он что, дипломированный бухгалтер? – прорычал Дино.

– Он не может позволить себе выглядеть слабым, – заявил его помощник.

– Как и я, – сказал Дино. – Четверо за двоих – это слишком. Передай нашим: я хочу, чтобы к утру мы взяли у них еще двоих. И сделай это эффектно.

* * *

Ричер повернул направо, потом налево и оказался возле треугольника из трех высоких отелей, каждый из которых принадлежал одной из национальных сетей; два находились к востоку от Центральной улицы, и один – к западу. Он сделал случайный выбор – и провел пять минут своей жизни у стойки, где предъявил паспорт в качестве удостоверения личности и банковскую карту в качестве способа оплаты; потом подписал свое имя дважды, в двух разных местах, по

двум разным причинам. В прежние времена было проще попасть в Пентагон.

Ричер взял карту города в вестибюле и поднялся на лифте в номер, оказавшийся самым обычным, но в нем была кровать и ванная комната, а больше ему ничего и не требовалось. Он сел на кровать и развернул карту. Город имел форму груши, рассеченной улицами и проспектами, стягивавшимися вверх по мере приближения к далекой автомагистральной. Ричер решил, что дилер автомобилей «Форд» и сельскохозяйственной техники должен находиться примерно на стебле. Отели располагались в более широкой части. В городе имелись картинная галерея и музей. Район с домом Шевичов пристроился на полпути к восточной окраине. На картинке он выглядел как крошечный отпечаток пальца, заключенный в квадрат.

Где спрячется умный и богатый парень?

Нигде. К такому выводу пришел Ричер. Город был большим, но недостаточно для того, чтобы спрятаться по-настоящему. Этот человек был знаменит. Он нанял на работу вице-президента по связям с общественностью. О нем говорили все. Вероятно, его фотографии постоянно появлялись в газетах. Мог ли такой человек в один вечер превратиться в отшельника? Невозможно. Он должен есть, по меньшей мере. Должен выходить и покупать еду или заказывать ее на дом.

Его узнали бы. И пошли бы разговоры. Через неделю к его дому стали бы устраивать туристические экскурсии на автобусах.

Если только парни, которые приносили ему домой продукты, не держали язык за зубами.

Население Украины составляло около сорока пяти миллионов. Часть из них жили в Америке. Причин считать, что все они знают друг друга, не было. И только в том случае, если у Макса Труленко существовала связь с кем-то из земляков, у него имелась возможность спрятаться в городе такого размера. Единственная гарантия успеха – находиться под защитой верной и бдительной силы. Как тайный агент на конспиративной квартире, нетерпеливо выглядывающий в окно, когда приходят и уходят осмотнительные курьеры.

«Семь шансов до конца недели», – подумал Ричер.

Он сложил карту и засунул ее в задний карман. Затем спустился на лифте в вестибюль и вышел на улицу. Джек проголодался. Последний раз он ел с Шевиками. Сэндвич с куриным салатом, пакет картофельных чипсов и банка содовой. Совсем немного и довольно давно. Свернув, он зашагал по Центральной улице и уже через квартал понял, что почти все места, где он мог поесть, закрыты, поскольку был поздний вечер.

Что его вполне устраивало. К тому же в большинство мест он заходить не хотел.

Ричер пошел на север по Центральной улице, туда, где, по его представлениям, толстая часть груши начинала сужаться, потом повернул обратно на юг, присел на скамейку у автобусной остановки и принялся наблюдать за движением. Получилось довольно медленно. По большей части улица оставалась пустой. Между проезжавшими машинами возникали длительные промежутки. Мимо проходили пешеходы, часто группами по четыре или пять человек; тут все зависело от возраста. Иногда – участники поздних вечеринок в ресторане, направлявшиеся домой; временами – люди, старавшиеся оставаться в модном тренде: они сознательно опаздывали на какие-то мероприятия.

В целом движение делилось практически поровну на восток и запад от Центральной улицы, судя по общему течению. Но оно было больше, чем просто движение, в нем чувствовалась какая-то энергия. Что-то влекло людей вперед.

Кроме того, Ричеру на глаза попадались одиночки, шагавшие в том или другом направлении. Всякий раз мужчины – некоторые смотрели на тротуар, другие прямо перед собой, словно их смущала мысль, что кто-то их заметит. И все спешили попасть в какое-то определенное место.

Ричер встал со скамейки и зашагал на восток, следуя за течением. Впереди он увидел, как симпатичная четверка нырнула в дверь справа. Подойдя, обнаружил, что за ней находится бар, обставленный как федеральная тюрьма. Все бармены были одеты в оранжевые комбинезоны. Единственный представитель обслуживающего персонала не в комбинезоне, крупный парень, сидевший на стуле возле двери, был в черных брюках и черной рубашке. Албанец, почти наверняка. Ричер знал эту часть мира и даже провел там некоторое время. Парень выглядел как недавний переселенец. На лице у него застыло самодовольное выражение. Он обладал властью и наслаждался этим.

Ричер пошел дальше, следуя за решительно настроенным мужчиной, который старался не привлекать к себе внимания, и увидел, как тот входит в дверь без надписи; одновременно оттуда вышел другой мужчина, раскрасневшийся и довольный. «Азартные игры», – подумал Ричер. Не проституция. Он знал разницу. Не зря тринадцать лет служил в военной полиции. Он подумал, что вошедший мужчина рассчитывает отыграться за вчерашний проигрыш, а тот, что вышел, только что выиграл столько, что теперь сможет расплатиться с долгами и у него еще останется, чтобы купить букет цветов и обед на двоих. Если он не решит испытать судьбу и попытается продолжить победную серию. Трудное решение. Почти моральный выбор. Что теперь делать?

Ричер наблюдал.

Парень выбрал цветы и обед.

Джек пошел дальше.

* * *

Албанцы собирали деньги поздно вечером, потому что их заведения начинали работать не слишком рано и кассы заполнялись около полуночи. Их метод кардинально отличался от того, что происходило по другую сторону Центральной улицы. Они не входили внутрь. Никакого угрожающего присутствия. И темных костюмов. Они сидели в машинах. Их просили не тревожить клиентов заведений, которые они контролировали. Их могли принять за полицейских или агентов. Плохо для бизнеса и не отвечает ничьим интересам. Посыльный приносил конверт, передавал его в открытое окно автомобиля и быстро возвращался в заведение. Тысячи долларов за поездку вокруг квартала. Отличная работа, если ты сможешь ее получить.

Двумя кварталами восточнее и одним севернее игорного клуба Ричер увидел три заведения, стоявших рядом и принадлежавших одной семье. Бар, работавший всю ночь, супермаркет и магазин по продаже алкоголя. Деньги здесь собирала пара ветеранов, ушедших на покой гангстеров, к которым относились с огромным уважением. Они привычно перемещались от одной двери к другой, всякий раз преодолевая около тридцати футов. Один сидел за рулем, другой – у него за спиной. Отработанный метод. Заднее окно приоткрыто на два дюйма. Конверт отправлялся в пустоту. Никакого контакта. Никто не подходил слишком

близко. Затем водитель выжимал педаль газа, срабатывала передача, автомобиль преодолевал следующие тридцать футов и оказывался возле двери, где очередной конверт падал в пустоту. И так далее. Вот только в тот вечер во время третьей остановки – у винного магазина – они получили не конверт, а толстый черный глушитель на дуле пистолета.

Глава 13

Это был «Хеклер и Кох МП5», пистолет-пулемет. Очевидно, его переключили на стрельбу тройками – именно столько пуль получил сидевший сзади сборщик, вслепую, но не наобум; направление вниз выбрано в надежде попасть в руки, ноги или грудь. Между тем водителя ждал такой же подарок, но главным образом в голову, из другого «Хеклера», появившегося с противоположной стороны.

После чего двери автомобиля распахнулись, водителя передвинули на пустое место рядом, а мужчина, вышедший из винного магазина, уселся сзади. Двери захлопнулись, и машина тронулась с места. Все места теперь были заняты, вот только пассажиры испытывали разные чувства: двое очень довольны всем, один мертв, другой умирал.

* * *

К этому моменту Ричер находился на расстоянии двух кварталов на другой стороне Центральной улицы. Он уже понял, по какому принципу проходит демаркационная линия между албанской и украинской территориями, и нашел то, что искал, – бар с маленькими круглыми столиками, как в кабаре, и сценой в задней части зала, на которой выступало трио из гитариста, басиста и барабанщика; на столиках лежало вечернее меню. Кроме того, Ричер увидел кофейный автомат. За дверью на стуле сидел парень. Черный костюм, белая рубашка, черный галстук, белая кожа, светлые волосы. Наверняка украинец.

«Все отлично, – подумал Ричер. – То, что нужно, и ничего лишнего».

Он выбрал столик в дальней части зала, примерно посередине, и уселся спиной к стене, краем левого глаза контролируя вышибалу на стуле, правым – трио музыкантов, игравших блюзы пятидесятих годов в джазовом стиле. Они оказались очень хороши. Мягкие, округлые звуки гитар, деревянные удары басовых струн, негромкий шорох рабочего барабана. Никакого вокала. Большая часть посетителей пила вино. Некоторые ели пиццы размером с чайное блюдце, обычные или с пепперони. Ричер проверил меню. Они назывались персональными. Обычные или с пепперони. Девять долларов.

К нему подошла официантка, которая вполне соответствовала музыке пятидесятих. Миниатюрная, похожая на мальчика, около тридцати лет, аккуратная и стройная, одетая в черное, с короткими темными волосами, живыми глазами и застенчивой, но заразительной улыбкой. Она вполне могла появиться в черно-белом фильме на фоне джазового сопровождения. Наверное, чья-то дерзкая младшая сестра. Опасно продвинутая. Вероятно, мечтавшая носить брюки на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В английском алфавите 26 букв.

2

Английская идиома once in a blue moon («однажды при синей луне») переводится на русский как «после дождика в четверг», «когда рак на горе свистнет», «раз в год по обещанию» – т. е. крайне редко, почти никогда.

3

Названия престижнейших университетов США.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chayld_li/dzhek-richer-ili-sinyaya-luna

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)